

Гай Юлий Орловский

Фич@рд

Длинные Руки —
бургграф

Я миновал городские ворота,
сердце стучит в нетерпении,
и вот парусно-бескрайним солнышком
морем, величественные парусники
теснятся у причала, сотни
грузчиков таскают товары
с кораблей на склады.
Конские копыта в коню-то
загрохотали по тротуарам
сегодня! Пес воблещет
на палубе первым
корабль легка
покачивается на
носу.

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки – бургграф

«ЭКСМО»

2006

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – бургграф / Г. Ю. Орловский — «Эксмо»,
2006 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 5-699-18130-X

Я миновал городские ворота, сердце стучит в нетерпении, и вот пахнуло бескрайним соленым морем, великолепные парусники теснятся у причала, сотни грузчиков таскают товары с кораблей на склады. Конские копыта наконец-то загрохотали по толстым сходням! Пес взбежал на палубу первым, корабль слегка покачивается на волнах, но Пес держится так же уверенно, как и на земле. Даже... еще увереннее!

ISBN 5-699-18130-X

© Орловский Г. Ю., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	38
Глава 10	42
Глава 11	47
Глава 12	53
Глава 13	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – бургграф

Часть 1

Глава 1

Раньше мне казалось, что короны носят только короли. Ну, еще принцы и принцессы. Но вот с удивлением обнаружил, что вообще-то и я имею право на целых три: баронскую, виконтью и графскую. Разница между ними в том, что в короне барона на венце или по краю обода шесть жемчужин, расположенных на равном расстоянии одна от другой, в короне виконта – шестнадцать шариков, а в графской – восемь, но зато между штырьками у графьей гравер должен расположить золотые листья клубники.

То, что на моей короне, мало похоже на клубнику, но и я, если честно, не силен в гербарии. Какие листья узнаю, то лавровые, в моем супе их всегда столько, что просто не знаю, за какое животное меня принимают.

Но сейчас какие там короны, ветер треплет волосы, мифриловый шлем закреплен у седла, доспехи в седельном мешке. Зайчик идет ровным красивым галопом, он может и намного быстрее, но я скромный, не в моих интересах привлекать внимание. А если совсем уж в лоб, то не хочу раскрывать козыри первым встречным-поперечным.

Пес то убегает далеко вперед, то отстает, то рыскает по сторонам, однако всегда отыскивает нас безошибочно. Да и слух у этого чуда: с какого бы конца света ни позвать – примчится.

Итак, я ко всему прочему еще и граф. Граф Валленштейн, наследник герцога Готфрида Валленштейна, правителя герцогства Брабант. Хорошо это или плохо, задумываться было некогда. Барахтался, чтобы выжить да по возможности выполнить заодно просьбу умирающего собрата, убитого в спину рыцаря. Наверное, рыцаря, судя по его одежде и благородному облику.

Но сейчас я граф, а это, как ни удивительно для не совсем умных, обязывает. Беда в том, что всю жизнь увиливал от обязанностей и сейчас вовсе не горю жаждой взвалить их на свои плечи. Ну хоть какие-то, даже минимальнейшие. Мне бы права и только права, я человек с нормальной психикой: на обязанности – серп и молот, а вот права подай все и немедленно. А то еще что-нить могу потребовать, а нет – устрою им оранжевую, тюльпановую, картофельную. С битьем стекол и переворачиванием по всей улице... гм... экипажей.

Насколько помню, герои Отечественной войны Раевский и Ермолов отказались от предложенных им графских и княжеских титулов, они, дескать, и без этой мишуры родовиты. Однако это исключение, а так титулы обычно принимают с жадностью, целуют дону руку с кольцом, титулами бахвалятся, титулы передают потомству, причем – всегда по мужской линии, а если та пресекается, то передают по другим линиям родства, нередко самым причудливым. При этом все понимают и одобряют необходимость сохранить старинную и прославленную подвигами фамилию. В исключительных случаях идут даже на прямое усыновление, если не удастся отыскать хотя бы завалящего родственника в двадцатом колене.

Если не ошибаюсь, в России тоже было подобное с умирающими старинными родами, но передавался не титул, а только титулованная фамилия. А я вот попал под интересную раздачу, отныне уже Валленштейн... Не знаю, передал бы мне герцог Готфрид этот титул, если бы уже знал о своем малолетнем сыне, но что сделано, то сделано, и свинством с его стороны было бы переигрывать ситуацию! Да и мне самому попробовать вернуть титул герцогу взад – смертельно оскорбить как его самого, так и всю его семью.

Сердце болезненно сжалось: обидел я нежно-колючую леди Дженнифер... Скачу через камни и поваленные деревья, а перед глазами ее бледное лицо с трагически расширенными глазами. Уже несколько часов стараюсь настроить себя на беспечный лад: все закончилось, все благополучно, я вывернулся целым и даже кое-что прихватил, но все равно гадко, словно обидел ребенка...

Холод, жестокий и внезапный, пронзил коротко и резко, будто я на всем скаку напоролся на стену из ледяных копий. Не раздумывая, я свалился с коня, на ходу хватаясь за рукоять меча и за молот.

Над головой пронеслась темная птица, снова ударило холодом, дико заржал Зайчик. Я больно ударился плечом, перекатился вниз по склону. Голова чуть не взорвалась, когда разом задействовал все добавочные возможности, а также тепловое и запаховое зрение.

На вершине ближайшего бархана шагах не больше чем в тридцати поднялся багровый человек, таким вижу в термозрении, в руках хрустальная чаша с дымком над сдвинутой крышечкой.

– Сдохни, – прохрипел я.

Рука моя из последних сил метнула молот. Я упал лицом вниз, приступ тошноты вывернул желудок, но в голове чуть посветлело.

Молот унесся, исчез, пропал, а потом больно врезал рукоятью по плечу и бухнулся на песок. Я поднял с трудом, такой тяжелый, поднялся. На вершине холма Пес обнюхивает осколки разбитой чаши. Опаленная невидимым пожаром земляная вершинка голая, как колено, Зайчик жалобно ржет и выворачивает шею, глаза испуганные, дикие. Кожа его, всегда идеально гладкая и блестящая, как черная эпоксидная смола, сейчас дымится на боку, там язва шириной в две ладони.

Я бросился сперва к Бобику, там следы сапог большого размера, осколки хрусталя и медный ободок. Теперь вспомнил, что слышал изумленно-яростный и одновременно горестный вскрик, который все больше кажется знакомым.

– Адальберт! – вырвалось у меня.

Пес завил хвостом и посмотрел с ожиданием и готовностью броситься за этим Адальбертом. Я покачал головой, подозвал Зайчика и возложил ладони на его подрагивающий от боли бок.

Новый приступ холода пронзил тело, Зайчик дернулся, жалобно заржал, но тут же утих и посмотрел на меня с великим удивлением и благодарностью.

Чудовищная рана на глазах затягивается, я ухватился за седло, переживая дурноту и слабость. Когда открыл глаза, Пес уже мчится ко мне с виноватым выражением на морде.

– Он же колдун, – сказал я ему хрипло, – чего ты хочешь? Мало ли что косил под великого воина... Я вон тоже рыцарем прикидываюсь. А ты – собакой...

Зайчик тихо посопел над ухом, напоминая, что он тоже прикидывается, а какой из него конь, даже подумать такое противно...

Я сел прямо на землю, рана на боку Зайчика затянулась, края блестящей кожи сошлись, никаких следов, никаких шрамов. Пес носится кругами и обнюхивает все следы, а я торопливо вытащил из сумки хлеб и мясо, жадно поел, восстанавливая силы.

– Это у кого-то обед не еда, а время дня, – объяснил я. – А у нас, царей природы, обед тогда, когда возжелаем.

Пес посмотрел с сомнением: тогда почему не едим с утра до ночи? Зайчик тепло посопел над ухом, я не глядя, погладил по вытянутой, как у интеллигента, морде. Сильно же эта сволочь его ранила. Если учесть, что лезвия простых мечей отпрыгивают от шкуры Зайчика, как от резины, то Адальберт ударил чем-то очень... опасным.

Тошнота ушла, как только я вернулся к нормальному зрению, но еще с полчаса посидел, задействовав чувство опасности, собирался с силами. Адальберт жив, но убрался с великой

поспешностью. Молот ранил его или сильно ушиб, а главное, разбил колдовскую чашу. Адальберт, похоже, не чистый колдун, чтоб одними заклятиями и мановением рук, для колдовства ему надо что-то материальное из арсенала магов.

Если так, повторной атаки сейчас не будет. Рассчитывал уничтожить меня внезапным ударом и преуспел бы, спасло обостренное чувство опасности, которым наградили предки Валленштейнов...

– Зайчик, – прошептал я, – ты как, мой жеребеночек?.. Надо ехать дальше.

Через полчаса быстрой езды высокая цепь холмов отодвинулась. Далеко впереди на вершине горы заблестал в прямых солнечных лучах рыцарский замок.

И почти сразу вспыхнули красным на солнце черепичные крыши расположенного под горой города. Зайчик ржанул, а любопытный Пес ринулся вперед. Я ругнулся: еду в сторону города по бездорожью, а рядом тянется настоящая широкая и хорошо протоптанная дорога. По ней в город движется плотная цепь из телег и подвод, идут вереницы навьюченных лошадей, ослов, верблюдов. Ветер донес свежий запах зелени, пахнуло молоком, сыром, свежим творогом, медом. В огромных корзинах везут живую птицу. Вообще-то на рынок с рассветом приезжают, а не среди дня, проспали торговцы. Или торговля идет так бойко, что спешно довозят, дабы не терять прибыль.

Даже на расстоянии всеми фибрами ощутил аромат простой деревенской жизни, что вносит свежую струю в суетливый и загаженный город.

В стороне от дороги, как примета этого края, пологие песчаные барханы. Их немного, да и те, похоже, оседают под напором жесткой травы, что ухитряется приживаться и на песке, запуская невероятно длинные корни в самые недра земли в поисках влаги. А еще как примета – древние развалины, за которыми возвышаются стены нового города.

Руины наполовину засыпаны песком цвета расплавленного золота. Целое море из скал и могильников, но, если присмотреться, скалы оказываются остатками то ли древних башен, то ли крепостных стен чудовищной толщины.

Полузасыпанное песком, смотрит в небо слепыми глазами каменное изваяние женщины размером ненамного меньше, чем статуя Свободы. Даже дорога пугливо делает крюк, чтобы не приближаться слишком близко. Вся целиком высечена из серого гранита, самого прочного камня. Время испещрило вмятинами и выбоинами, обращенное к небу лицо почти плоское: ветры и бури сгладили острые черты почти до полного исчезновения, но чудится, что все равно пристально и настороженно следит за космосом.

Зайчик идет споро, но не слишком, он неотличим от добротного боевого коня, только крупнее и массивнее, а Пес просто пес, разве что неимоверно огромный, но сразу видно, что дурак: носится за птичками, высунув, язык, будто сможет догнать, таких собак обычно не боятся даже взрослые.

Я выехал на эту главную дорогу, у ближайшего возницы поинтересовался:

– Это и есть портовый город?

Он оглянулся, кивнул нехотя.

– Да, ваша милость.

– Моря не видно...

– Оно там, с той стороны, – ответил он все с той же неохотой. – Город в бухте...

– А-а-а, понятно. Кстати, как зовется город?

Он посмотрел на меня с некоторым недоумением:

– Как и назывался раньше...

– А как раньше?

– Да как и теперь, – ответил он туповато. Подумал и разъяснил: – Тараскон, как же ишшо?

– Спасибо, – ответил я, ибо благородный человек вежлив даже с собакой, не только с простолюдином.

Зайчик прибавил ходу, мы понеслись вдоль телег, вдыхая ароматы деревенской жизни. Городские ворота приближаются охотно, створки распахнуты. У входа рядом со стражниками два горожанина в небогатой одежде, но с цепями на груди и другими знаками отличия приближения к власти.

Глава 2

Телеги с товаром быстро оглядывают, взимают пошлину, но некоторых, к моему удивлению, пропустили беспошлинно. Я подивился, уплатил мелкую монету за топтание земли города и безопасность в его стенах, поинтересовался у местного аналога таможенной службы:

– А не проезжал ли через эти врата совсем недавно мой старый друг... он такой рослый, волосы и борода чернее ночи... И вообще у него такая борода, что он весь борода, только нос торчит да глаза блестят...

Горожанин ответил невозмутимо:

– Не помню что-то.

Я сунул ему серебряную монету.

– А как сейчас память?

Он ответил живо:

– Просветление, клянусь богом, это чудо какое-то!.. Только что въехал через эти врата. Если поторопитесь, то догоните, если он поехал прямо, а не свернул...

– В чем он одет? – спросил я.

– Да во что-то белое, – ответил таможенник с пренебрежением, – будто купец какой, хотя сложение у него бойца, да и ухватки... А на лбу такой стальной обруч...

– Спасибо, – сказал я, – пойду догонять.

Получив монету неофициально, он не стал брать плату за Пса, все равно те деньги пойдут не ему, а мы проехали под арку ворот.

Обруч на лбу – характерная примета Адальберта, так что таможенник не соврал ради монетки. А в таком большом и шумном, даже чересчур шумном, на мой взгляд, городе затеряться нетрудно. А потом ударить в спину.

У одного из горожан, выглядевшего умнее остальных, осведомился:

– Уважаемый... а как поживает господин Тартарен?

Он опасливо посмотрел на Бобика, но тот сел перед ним и смотрит с ожиданием: будут ли с ним играть. Горожанин наморщил лоб, подвигал бровями, взгляд был сперва задумчив, затем стал совсем озадаченным.

– Гм... а он должен здесь проживать?

– Обязательно, – заверил я.

Он снова впал в задумчивость, наконец со вздохом развел руками.

– Сожалею. Я знаю всех знатных господ, но названного вами господина нет в числе жителей.

– Как нет? – ответил я. – Должен быть! Без Тартарена нет и Тараскона.

Он покачал головой:

– Судя по вашим словам, это довольно известный человек, а я перебрал уже и всех простолюдинов и слуг. Увы, господина Тартарена нет, очень сожалею.

Я почувствовал себя обманутым.

– Тараскон есть, а Тартарена нет?.. Да кому этот Тараскон нужен без Тартарена? Он и держался только на Тартарене... Не удивлюсь, если в один день вдруг исчезнет...

Горожанин побледнел, торопливо сплюнул через плечо, перекрестился и сделал еще несколько жестов, отгоняющих демонов, богов, чужих богов и божков, эльфов, банши и прочих фей.

– Что вы такое говорите? Вас даже слушать страшно!

Я пожал плечами:

– Мне всегда казалось, что одно без другого быть не может. Есть вещи настолько взаимосвязанные... К примеру, если бы вдруг не стало Гамлета, то кому на фиг нужна эта Дания?..

Он остался, озадаченно глядя нам вслед, а я осторожно поехал по людной улице по направлению к центру. Бобик шел рядом, понимая, что пугать народ не стоит, это не гуси на берегу озера. Какой-то слишком торговый город: лавочки гостеприимно распахнули двери чуть ли не в каждом доме. Представляю, что творится в центре или на том месте, где рыночная площадь. Двери трактиров тоже распахнуты, оттуда вопли, песни, музыка, на крыльце подгулявшие вызывающе разглядывают прохожих, выискивая, с кем бы подраться.

Я миновал не больше десятка домов, а мимо проплыли уже два заведения с красными фонарями. И в профессии женщин, что хохочут и строят глазки прохожим, можно не сомневаться.

Слегка озадаченный и заинтригованный, я возвышался в седле, на лице рассеянно-благожелательная улыбка, я самый мирный человек на свете, только иногда подпускаю на лицо суровости, когда слишком уж пристают с предложениями что-то купить или, наоборот, продать: коня, собаку, седло, одежду, меч... что за торговый город!

Тепловое или запаховое зрение я должен, как говорится, включать нехилым волевым усилием, зато чувство опасности бдит на автомате, Адальберта вблизи не замечено, с явной неприязнью на меня никто не смотрит. Можно бы расслабиться, но я из такого времени, где постоянно говорят о расслаблении, но расслабиться никому не удастся при сумасшедшем темпе. Здесь темп просто сонный, но мне себя уже не переделать...

Возле одного из домов трое или четверо дюжих мужчин, здорово подвыпивших, остановили женщину, прижали к стене и с пьяным гогомом пытались задрать ей платье. Она отбивалась с неожиданной силой, одному кулаком расквасила нос. Тот с дикой руганью ударил ее ладонью по лицу. Голова женщины мотнулась в сторону, в сторонке кто-то предостерегающе закричал, что позовет стражу. Женщина устояла, только из ноздрей потекли тонкие красные струйки.

Бобик зарычал и с надеждой посмотрел на меня. Зайчик тоже остановился, будто и его раздирают противоречивые чувства. Обязанность рыцаря – защищать всех слабых и беззащитных, особенно женщин и детей. Это вроде бы аксиома, но в то же время на свете столько беззащитных, что всех не наспасешься. Будешь спасать без сна и отдыха, пока сам от голода и недосыпа не откинешь копыта. Эта мудрость позволяет нам терпеть трамвайных хамов, отворачиваться от наглецов, оскорбляющих женщин на улице, обходить стороной драку, где трое бьют одного.

Вздыхнув, я повернул коня в их сторону, сказал негромко:

– Бобик, сидеть!.. А вы, герои, оставьте женщину в покое.

Ударивший женщину вскинул голову, крепкий такой братан, самая древняя и вечная порода. Узкие глазки под нависающим лбом неандертальца сумели как-то выпучиться.

– Эй, благородный... а тебе не все равно?

«Вообще-то все равно», – ответил я мысленно, но вслух из меня что-то сказало:

– Ты меня слышал. Потому повторять не стану.

Он смотрел оценивающе, на лице проступило недоумение. Оглянулся на дружков, их четверо, я один. И хотя бывают случаи, когда один побивает десятерых, но это если колдун или огр, а я не выгляжу ни тем, ни другим. Но все-таки он недаром вожак, такие стремятся к победе, а не к драке, сказал властно, чуть повысив голос:

– Вот что, рыцарь. Ты ведь рыцарь? Езжай дальше.

Второй, ухмыляясь, грубо схватил женщину за волосы. Не меня выражения лица, я выхватил меч. Блеснуло лезвие, отрубленная кисть повисла на женских волосах, а бандит тупо уставился на обрубок, откуда сразу в три струи брызнул темно-красный поток.

– Последнее предупреждение, – произнес я тем же голосом, хотя сердце уже колотится, а страх холодит кожу в ожидании неприятностей. – Дальше буду снимать головы.

Браток заорал, стал хватать обрубок другой рукой, остальные ошалело смотрели то на меня, то на калеку. Тот наконец повернулся и побежал по улице, задевая стены. Женщина в испуге тряхнула головой, рука отцепилась и упала на землю.

Оставшиеся братки заворчали, но начали отступать, не сводя с меня взглядов. Один прорычал:

– Ты дурак... Не знаешь, с кем связываешься...

– Знаю, – ответил я.

Браток вытаращил глаза.

– Знаешь? А ты... кто?

– Человек, – ответил я. – А ты – говно.

Он отступил еще, злобная улыбка заиграла на губах, и все так же, не сводя с меня горящих злобой глаз, прорычал:

– Ты дурак, чужестранец. И тебе конец. Это мы здесь хозяева.

Он кивнул своим, все разом повернулись и бросились прочь. Женщина вскинула голову, я только сейчас рассмотрел ее лицо: покрытое ровным загаром, темные, как спелый терн, глаза, такие же темные и широкие брови, почти сросшиеся на переносице, недлинные черные смолистые волосы. Она смотрела с испугом и надеждой, я кивнул, молча объясняя, что все конечно.

Она сказала торопливо:

– Спасибо, добрый господин!.. Вы очень великодушны.

Я отмахнулся:

– Пустяки.

– Но не для нас, – сказала она. – Пусть Господь воздаст вам, ибо не в моих силах отблагодарить вас.

Я перекрестился и сказал громко:

– Возможно, это Господь и надоумил меня проехать именно этой дорогой и в этот час, чтобы моей рукой покарать злодеев?

Среди собравшихся зевак пронесся легкий заинтересованный говорок. Я свистнул Бобику, по обе стороны поплыли дома, улица послушно ведет в направлении порта. За спиной народ оживленно обсуждал случившееся, но я выехал на другую улицу, здесь другой люд, хотя все те же лавки, распахнутые двери кабаков, таверн, а также заведений с красными фонарями... Что-то, на мой взгляд, их слишком много. Да и не должны вот так в центральной части. Обычно эти дома прячутся на окраине. А так как это портовый город, то все должны быть там, в порту, или рядом.

Навстречу посреди улицы идут двое стражников. Громко топают, даже нарочито громко, как мне показалось. Перед ними расступаются. Оба рослые, в неплохих доспехах: один в добротной коже, а второй, что постарше, и вовсе в железном панцире и металлических налокотниках и наколенниках.

Завидев меня, остановились, хотя я вроде бы еду спокойно и тихо, никого не задевая. Хотя, понятно, есть на что посмотреть: мои совсем не средневековые размеры неизменно привлекают внимание не меньше, чем мой Зайчик. Да и на Бобика обычно смотрят со страхом и опаской.

Старший внимательно посмотрел на Бобика, потом на меня. Вскинул повелительно руку, я послушно, но словно бы по своей воле, так восхотелось, остановил коня.

– Что случилось? – поинтересовался я. – Я не заплатил в воротах за проезд?

Старший покачал головой, я обратил внимание, что его напарник смотрит на меня со смесью трусости и наглости.

– Думаю, заплатили, – ответил он с рассчитанной ленцой, словно делая одолжение. – Иначе бы вас не пустили. У нас с такими разговор короткий...

– Да? – поинтересовался я. – Это как же?

Он ухмыльнулся и ответил с явным удовольствием:

– Постановление городского совета гласит: всякий, не уплативший пошлину, будь он сам герцог, не должен быть пропущен через городские врата. А если кто попробует войти силой, того связать и доставить в тюрьму.

Вокруг нас уже останавливался народ. На стражей, как и на меня, посматривали с боязливым ожиданием.

– Круто, – ответил я, но если ожидают от меня взрыва благородного возмущения, то жестоко просчитались, я вообще-то за соблюдение законов. Особенно тех, которые мне соблюдать ничего не стоит. – Что ж, демократия в действии. Ну ладно, а ко мне какие претензии?

Старший снова смерил недружелюбным взглядом мою рослую фигуру на очень рослом коне.

– У нас мирный город, – сказал он громко. – Здесь сразу вешают воров и разбойников...

Я прервал резко:

– Мерзавец! Думаешь, что говоришь! Иначе я снесу твою дурную башку, и городской совет меня тут же оправдает!

Он несколько смешался, но не отступил, сказал с тем же вызовом:

– Я хочу сказать вашей милости, что у нас все по закону. И если вы вздумаете размахивать мечом по праву благородного, то увидите, что для городского суда нет разницы... кто перед ним стоит. Только это я и хотел сказать.

Я посверкал глазами, пораздувал ноздри, пусть все видят, что я с великим трудом удержался от вспышки гнева, а стражи тоже люди и не хотят кровавой рубки, во время которой даже не успеют позвать на помощь. Народ переговаривается, уже видны разочарованные лица. Всем хочется звона мечей и брызгающей крови, эти пустячки вносят приятное разнообразие в вообще-то скучную жизнь, но по моему виду понятно: благородному рыцарю просто лень переругиваться с простолюдинами.

Зайчик, ощутив толчок коленом, двинулся вперед, Бобик чинно держится рядом, я с высоты седла стараюсь взирать бесстрастно и малость надменно, все-таки благородного человека безошибочно угадывают уже по его великолепному коню, а благородный и выглядеть должен соответственно.

Из распахнутой двери вылетел кубарем мужик в разорванной одежде. Следом выглянули двое крепышей, отряхнули ладони и одежду, разом повернулись и пропали в ярко освещенном зале, откуда крики, смех, вопли, ругань, песни и топот пляшущих.

Зайчик переступил через распростертого, тот поднялся и, не отряхиваясь, с диким ревом бросился обратно. Я покачал головой, что за город, что за город, куда церковь смотрит, с утра столько пьяных, а вдоль улицы выстроились женщины легкого поведения...

Глава 3

Громыхая железом, из-за угла вышли трое стражей. Когда женщине нужна была помощь, их не найти, а сейчас так и снуют, за мной следят, что ли? Впереди рослый и явно третий мужик, лицо в шрамах, но уже успело обрюзгнуть на сытых харчах, расплнело и обрело нездоровую бледность сильно пьющего человека. Грудь и спину защищает стальная кираса, да еще широкие стальные наручники укрывают от кисти до локтей, штаны кожаные, сапоги с металлических подковками, пояс широк с непомерно огромной пряжкой в виде небольшого щита. Судя по выдавленным знакам, это не просто пряжка, а еще и знак различия. Или должности.

Он остановился посреди улицы, загораживая дорогу, двое тут же остановились у него за спиной, а потом чуть разошлись в стороны. Старший смотрел на меня хмуро и недоброжелательно, стараясь усмотреть во мне только что сбежавшего из тюрьмы мошенника, растлителя и душеителя.

– Я начальник городской милиции Саклер, – сообщил он сиплым пропитым голосом. – Что-то я вас раньше не видел. Вы в город надолго?

– Подумаю, – ответил я надменно.

– А из каких краев?

– Дальних, – ответил я с некоторым раздражением. – А в чем дело?

– Интересуемся, – ответил Саклер вроде бы смиренно, но я уловил не свойственную простоям дерзость во взоре и неуступчивость в голосе. – У нас город мирный, у нас строго бдят, чтобы все тихо...

– Хороший у вас город, – сказал я с одобрением с высоты седла. – Но я при чем?

– У вас, ваша милость, боевой конь, бойцовский пес и оружие, какое поискать...

– И что?

– Люди с таким оружием всегда ищут, как бы им кого...

– Ты не дурак, – сообщил я ему, – понимаешь людскую породу. В каком полку служил? Впрочем, теперь неважно, кому ты служил... Важно, что у меня здесь нет противников, а дерусь я с людьми не ниже званием, чем у меня самого. Так что не трусь, я не побеспокою городские власти.

Он выпрямился, даже попытался посмотреть вот так с земли на всадника свысока.

– Милиция не трусит, ваша милость, – ответил он дерзко, – как я уже сказал, мы здесь не смотрим, кто благородный, а кто нет.

– И это наполняет тебя счастьем? – спросил я с интересом. – Выискиваешь, как бы плюнуть под ноги благородному?... Ладно, посторонись, невежа. А будешь хамить, никакие городские власти не спасут твою голову.

Он поколебался, на карте его репутация начальника милиции, да и народ на улице, а также из окон следят за каждым его движением и ловят каждое слово, однако правда и то, что городские власти станут спорить с благородным лордом из-за чего-то стоящего, но никак не из-за простого стражника. Пусть даже начальника городской стражи. Нет, милиции... а это что-то для меня новое.

С большой неохотой отойдя в сторону, он каждым жестом показывал, что подчиняется только закону, но никак не какому-то чужаку на коне. Я пустил коня прямо, народ оживленно переговаривается, Саклер сказал уже почти в спину:

– Езжайте, ваша милость. Но мы будем присматривать за каждым вашим шагом.

Я с угрозой повернулся в седле:

– Что-о?

– У нас мирный город, – повторил он дерзко, – а с оружием ходит только городская стража.

Я ответил не оборачиваясь:

– Любезный... дурак, если хочешь разоружить, то попытайся. Думаю, то, что от тебя, дурака, останется, можно будет сложить в детское ведро.

Зайчик пофыркивал и мотал гривой, Пес перебегает с одной стороны улицы на другую, нюхает, но ничего не метит. Вот здесь ты и попался, сказал я ему, какой же кобель пропустит угол дома или дерево, чтобы не обрызгать? А ты только запахами интересуешься. Даже всякую дрянь не подбираешь, какая же ты собака? Не Шерлок Холмс я, и то засек...

Я оглянулся, угрозы – всегда неприятно, даже тревожно, пусть даже сперва от такой швали, как те пьяные бандиты, а потом от стражи. Пусть даже пустые угрозы. Все-таки, каким боком ни поверни, я таким не по зубам. Но все равно тревожно.

Зайчик, повинувшись едва заметному нажиму колена, бодро пошел рысью по непривычно широкой улице в сторону, где из-за домов выглядывает лес мачт.

Мимо проплывает дом с распахнутыми настежь дверьми, изнутри яркий свет, веселые песни, запахи вина и пота. Я в непонимании уставился на человека у дверей, профессия угадывается с первого взгляда: вышибала. В любом трактире находятся гуляки, которых приходится выпроваживать силой, и не всегда есть смысл бежать за городской стражей. Тем более что посетители обычно не любят представителей власти и предпочитают, чтобы конфликты разрешались без них.

Так вот этот вышибала, крупный и уродливый, как абсолютное большинство вышибал, все-таки слишком крупный и уродливый, чтобы быть... человеком.

Тролля я не сразу признал только потому, что тот одет в добротную куртку, шитую явно по его фигуре. На нем широкие штаны, достаточно просторные, чтобы скрыть кривые ноги, и огромные башмаки.

Стоит неподвижно, тролли так могут часами, у них другой метаболизм, из-за чего при всей чудовищной силе они часто проигрывают более проворным человекам. Но, правда, пьяные люди двигаются едва ли быстрее троллей, так что усмирять их и выбрасывать на улицу троллю ничего не стоит.

Я придержал Зайчика, а Пес тут же подошел к троллю и оглянулся на меня с неммым вопросом в глазах: можно? Я вздохнул и покачал головой. А вдруг этот тролль уже отошел от оппозиции и служит правоохранительным структурам?

На меня засмотрелись двое горожан, один проследил за моим взглядом и спросил с интересом:

– Что-то не так? Вы издали, благородный сэр?

– Очень, – пробормотал я. – У нас такого не водится.

Он кивнул с довольным видом.

– Да и здесь это на грани нарушения закона. Пока они только у нас, в Тарасконе. В других городах троллей, понятно, нет. А здесь это диковинка. На них взглянуть приезжают из других мест... Дивятся, что мы их приспособили для работы.

Он ухмыльнулся, второй откровенно заржал, я закончил фразу первого:

– И тоже оставляют свои денежки в этих злачных местах?

Горожанин продолжал ухмыляться, но уголки рта опустились, улыбка превратилась в оскал.

– Мы стали богаче, – сказал он хмуро, – намного богаче, чем были когда-то. Теперь бы собрать все накопленное и уехать в какой-нибудь другой городок, чистый и добропорядочный.

В голосе звучала неподдельная тоска, я спросил с любопытством:

– А кто мешает?

– Не кто, а что, – буркнул он.

– Что мешает? Вы ведь не танцор?

Он угрюмо смолчал, объяснил за него приятель:

– Это затягивает. Как и деньги, что перепадает без особых усилий, так и все это... Доступные женщины на каждом углу, возможность напиться до чертиков и не быть выставленным у позорного столба на городской площади... свобода от посещения церкви... а еще то, что здесь запрет церкви на азартные игры не действует. Вернее, никто еще не отменял, но никто и не соблюдает.

Я спросил:

– Городские власти получают большой налог с домов, где азартные игры?

Он посмотрел с уважением:

– Вы сразу смотрите в корень.

– Экономика, – пробормотал я. – Слово сказала экономика. Может быть, слишком рано... И впервые ее слово оказалось громче, чем у слабеющих понятий чести, совести, благородства, верности... Гм, что-то я заговорил, как Аркадий Аркадиевич. Заболел, наверное.

Зайчик пошел дальше, навстречу мощно и волнующе пахнуло огромностью моря. Вынеслась стая худых чаек с их непомерно острыми крыльями и красноутинными лапами, но как-то сообразили, что рыба на суше не водится, поспешно сделали крутой поворот, запрокидываясь в нашу сторону узкими и плотно поджатыми к пузу лапами, умчались обратно.

Набережная показалась чересчур узкой, тесной и заставленной всякого рода товаром. В то же время народ снует в обе стороны, как деловитые муравьи, звонко выкрикивают приглашение обновить обувь чистильщики сапог, радушно зазывают в распахнутые двери таверн привратники, соленый морской воздух странно и волнующе смешивается с ароматами жареного мяса, хлебных лепешек, печеной рыбы.

Выделяются красными фонарями дома, где через перила свешиваются, зазывая народ, пышные женщины с ярко разрисованными лицами. Платья и без того широкие, как колокола, а стоя вот так на высоком крыльце, демонстрируют проходящим внизу мужчинам, что для изобретения трусов время еще не пришло.

Корабли, на мой взгляд, даже больше похожи на современные, чем на причудливой формы галеоны, на которых бороздили волны Колумб, Магеллан и всякие васькодагамы: продолговатые, пузатые и вместительные, потому что корабли предназначены для перевозки грузов, будь это люди, кони или мешки с золотым песком. Все со спущенными парусами, из-за чего кажутся мертвыми, хотя у некоторых на палубах появляются люди.

Здесь другой мир: множество складов, цепочки сторбленных грузчиков несут в открытые ворота мешки с товаром, тюки, рулоны ковров. Прохладнее настолько, что я зябко передернул плечами: даже конские копыта то и дело ступают по лужам или грязи.

Ко мне сразу начали присматриваться босяки, попрошайки, одинокие женщины с бесстыдно подколотыми к поясу подолами. Так оголяется часть ноги, но при порывах ветра, а с моря дует часто, их юбки взмывают вверх, оголяя загорелые ноги, а то и белые задницы. Все это, правда, лишь на короткое мгновение, но действует очень дразнящее, признаю. Я сделал неприступное лицо и надменно смотрю вперед, брови сдвинуты, а челюсти сжаты так, чтобы все видели злобно играющие желваки.

Зайчик обогнал несколько возов, лошади тупо и покорно тянут доверху груженные телеги, возчики сидят сонные и нахохленные. Копыта застучали по дощатому настилу, корабли приближаются, словно сами плывут навстречу. Сердце мое стучит чаще, плечи приподнялись, давая легким ухватить больше морского воздуха. Корабли просмоленные и просоленные, коричневые борта потемнели, словно кожа под жарким южным солнцем, на верхушках мачт разноцветные флажки, большая часть представляет такие королевства, герцогства и княжества, о каких я никогда не слышал... Мир велик, велик...

Стоит отчалить от берега, и никаких тебе Адальбертов. А если вдруг ступит на ту же палубу... что ж, здесь океанские лайнеры не водятся, чтобы месяц прожить и всех не увидеть.

Я поторчал на месте, но билетной кассы не видать, решил пустить коня по сходням на ближайший корабль, где на палубе с винным бурдюком в обнимку веселятся двое матросов. Они не поднялись, но пить прекратили и уставились с интересом и некоторым испугом.

– Вольно, – сказал я. – Я не из налоговой. И не гербалайф, не бойтесь.

– А собачка у вас... – произнес один нерешительно.

– Это не собачка, – объяснил я, – это просто кошечка. Она тоже приветствует вместе со мной и конем вас, труженики морей. Альбатросы...

Один наконец оторвал взгляд от Бобика.

– И вас, ваша милость. Что скажете?

– Восхотелось побывать за океаном, – ответил я. – А то все «Юг, Юг», но сколько ни двигаюсь в эту сторону, все время оказывается, что еще не совсем Юг, а настоящий Юг дальше.

Матрос кивнул:

– Да, настоящий – за океаном.

– Когда отплываете? – спросил я и добавил: – Об оплате договоримся. Я не бедный, а когда вожжа под хвост попала, то... сами понимаете.

Они переглянулись в самом деле понимающе: мол, либо убил кого знатного на дуэли, либо король застал в спальне своей жены или даже хуже – любовницы, в этих случаях еще какая вожжа под хвост попадет.

– Договариваться надо с капитаном, – ответил один матрос.

– А где он?

– На берегу, – ответил он завистливо. – Со всей командой.

– А вас, значит, оставил сторожить, чтобы ничего не сперли? Да, народ здесь на ходу подметки рвет. Корабль надо оставлять на самых лучших! Капитан поступил правильно.

На их кислых мордах возникло сомнение, а вдруг они в самом деле... не самые худшие, раз благородный человек так считает, снова старший сказал:

– Капитан в трактире «Зеленый Бог».

– Спасибо, – поблагодарил я.

Когда я поворачивался, старший, словно сжалившись, добавил в спину:

– Только мы никогда не плавали на ту сторону. И не поплывем. Наши рейсы всегда вдоль побережья. От Чернавы до Нефелима, через Колпи, иногда заворачиваем в Яргу забрать там груз шкур, но дальше Навинбурга еще не заплывали. А через океан... боже упаси.

Я ощутил сильнейшую досаду, но ответил вежливо:

– Спасибо, что предупредил. А те капитаны, что ходят через океан, они где альбатросничают на суше?

Он задумался на миг, двинул плечами.

– Яргард в трактире «Храм Ключа». Это далековато, но если уж вожжа трет, ваша милость, то идти придется. Других капитанов сейчас нет в порту. Совсем.

– Как нет? – спросил я, посмотрев на лес матч.

– Которые плавают через океан, – пояснил он. – А это все корабли таких, как и мы. Вдоль берега, вдоль берега...

Я повернул коня. Пес, обследовав корабль от носа и до кормы, разочарованно примчался следом. В глазах обида и недоумение: а как же обещанный Юг?

– Облом, – ответил я раздраженно. – Но мы не сдадимся, Бобик.

Он помахал хвостом, подпрыгнул и лизнул руку.

Глава 4

На выходе из порта десятка два моряков сцепились в драке. Я заранее начал подавать Зайчика к стене дома, проскользнем, но с ближайших кораблей по сходням сбегает еще жаждающие схватки, на ходу наматывают на кулаки ремни с медными пряжками, куча растет, от ругани и надсадного хаканья воздух потяжелел и уплотнился.

Бобик посматривал на меня вопросительно, я предостерегающе поднял палец. Это не наша война, мы просто идем мимо. Он посмотрел с тем же вопросом, я покачал головой.

– Из-за баб, – пояснил глупой собачке. – Из-за чего еще настоящим мужчинам драться?

Он ощерил клыки, мол, а мы разве не настоящие? Я ощутил затруднение, постарался вывернуться:

– Бобик, а мы вообще такая круть, что пусть бабы из-за нас дерутся.

Он повернул голову и с интересом смотрел, как тяжелые кулаки со смачным хряском впечатываются в противников, везде одно и то же, везде из-за баб, из-за чего же могут еще сражаться с такой яростью настоящие мужчины, а здесь они явно настоящие: здоровенные, мускулистые, обветренные и просоленные, с грубыми лицами, хриплыми голосами, у каждого в ухе по серьге, у кого золотая, у кого даже с бриллиантом или рубином, рубашки распахнуты, руки и грудь в замысловатых татуировках, донельзя непристойных.

Из драки почти под копыта Зайчика выпал окровавленный и в лохмотьях рубахи крепкий, хоть уже и немолодой мужик. Удар ему был нанесен явно мощный: потерпевший пролетел по воздуху и грохнулся спиной о неровную булыжную мостовую. Я удержался от желания проехать над ним, вместо этого, поддавшись христианскому человеколюбию, это я-то, нагнулся и протянул ему руку.

Он ухватился, хватка железная, я дернул, чувствуя, что поднимаю глыбу железа. Моряк поднялся, высокий и жилистый, солнце блестит на выбритой как у скинхеда голове, кровь на скуле, на губах, стекает по щеке и капает с подбородка на голую грудь.

Закинув голову и тяжело дыша, он некоторое время всматривался в мое лицо.

– Ты... – прохрипел он, – с «Гермогаста»? А почему на коне?

– Я не моряк, – ответил я искренне.

– Так чего же ты...

– Здесь?.. Да просто пришел посмотреть на порт. Я задумал перебраться через океан, вот и подыскиваю корабль...

Он присвистнул, оглянулся в нерешительности на драку, с обеих сторон уже сбегается народ с дубинками и ножами в руках.

– Вообще-то и без меня обойдутся... У тебя угостить вином найдется?

– Найдется, – заверил я. – Но ты сам выбирай место. Только пристойное.

Он смерил меня недоверчивым взглядом.

– Никак благородный?.. Впрочем, все равно. Я повидал и баронов, что убегали с такой прытью, что нанимались к нам матросами... Пойдем, я знаю такое место.

– Не сомневаюсь, – откликнулся я.

Он потрогал скулу, поморщился.

– Гад, чем это он меня... Меня зовут Грегор.

– Ричард... Ричард Длинные Руки.

– Иди за мной, Ричард.

Я пустил коня за ним следом, потянулись таверны и трактиры. Из распахнутых дверей смех, песни, запахи вина и мяса, затем приблизились такие же распахнутые двери, навстречу те же запахи вина и мяса, но я сразу ощутил, что тут малость опрятнее, публика чуть чище, а девицы не такие уж и потасканные, не как половые тряпки.

Я спрыгнул на землю, набросил повод на какой-то крюк в стене. Это чистая символика: моего коня никакой крюк не удержит, сказал Бобику громко:

– Оставайся и сторожи!.. Если кто вздумает коня украсть... ну, сам знаешь, что надо делать.

Бобик оскалил зубы и помахал хвостом, да, знает, но в глазах я видел сожаление, все-таки интереснее со мной в таверну, где много мяса, сладких костей, да и вообще лучше лежать, положив морду на мои сапоги, чем перебраниваться с Зайчиком.

Грегор опасливо посмотрел на здорового Пса.

– Где вы только такого... У варваров купили?

– Нет, – ответил я. – С теми еще не сталкивался.

Он вздохнул:

– А мне пришлось. Но только в драке... А говорят, у них такие диковинки!

В таверне он громко свистнул, еще с порога привлекая внимание, хозяин тут же взмахом длани отправил к нам парня. Едва мы сели за стол, перед нами опустились два кубка и кувшин с вином. Грегор довольно крикнул.

– Здесь мои привычки знают, – заметил он. – Сперва промочить горло, а еда пусть жарится...

– Именно жарится?

Он посмотрел на меня исподлобья.

– А что, жрете сырое?

– Да нет, но...

– Еда, – сказал он безапелляционно, – это жареное мясо. Все остальное – труха.

Он наполнил оба кубка, мы сдвинули их над столом, он выпил в несколько жадных глотков, не отрываясь. Крикнул, посмотрел на меня чуть повеселевшими глазами.

– Так, говоришь, желаешь отправиться на Юг? Через океан?

– Точно, – подтвердил я.

– Зачем?

– Да так... Мир посмотреть, себя показать. Разве на меня не стоит посмотреть?

Он хмыкнул:

– Ну-ну, вообще-то стоит. Не много найдется благородных, что в одиночку бродят в опасных местах, а опаснее порта разве что Зачарованный Лес да еще Гиблое Болото за Бобровой Падью. Вино здесь хорошее, заметил? Уверен, что хватит заплатить?

Я с самым небрежным видом вытащил из кармана и швырнул на стол пару золотых монет. Его глаза чуть блеснули, но лицо оставалось таким же насмешливо-спокойным.

– Папины денежки прогуливаешь?.. Ну-ну, не сверкай глазами, мне все равно, где ты их взял... Даже если родную тетюшку задушил. Чем вы их там душили, подушками? Может быть, она как раз стервой была и никак сама умирать не желала... ха-ха!

Он налил снова, со стороны кухни почти бегом прибежал с большим подносом парнишка и ловко переставил на стол тарелки с мелко нарезанным жареным мясом и горячей парующей кашей. Грегор быстро и жадно ел, разбитые в кровь губы работают исправно, не давая хозяину выронить ни крошки.

Он перехватил мой взгляд, поморщился:

– Ладно, не жалей. Я им больше рожу расквасил!.. Запомнят.

– Хоть стоящие девки? – поинтересовался я.

Он удивился:

– Девки?

– Ну да, – сказал я. – А что же еще...

– Одурел, – сказал он убежденно. – Как есть одурел.

– Разве не из-за них?

Он пожал плечами:

– Да чего из-за них драться?

Я спросил несколько ошарашено:

– А из-за чего?

Он смотрел с насмешкой:

– Эх ты, благородный... Для вас так и не из-за чего больше? Только из-за баб? А вот у нас, моряков, бывают и другие интересы. Повыше. Поблагороднее.

Я спросил с невольной жадностью:

– Какие? В смысле, из-за чего дрались?

– Из-за стоянки, – ответил он.

– Стоянки? – переспросил я. – Какой стоянки?

Он кивнул в сторону открытой двери.

– Видел корабли у пристани?

– Да, конечно...

– А сколько на рейде?

Я ответил, начиная смутно догадываться:

– Втрое больше.

– То-то. Приходится ждать, пока разгрузятся! Занимаем очередь, представляешь дурость? А тут этот «Наследник Королей» пытался влезть без очереди. Сволочь, заявил, что это мы влезли! Но Бог видит правду, и он это доказал, когда мы встретились в кабаке «Золотой Петух», там все разнесли, а потом выдали им на улице!..

Я посмотрел вверх его головы в распахнутые двери. На фоне закатного неба мутно проступает частокол мачт, отсюда настолько густой, что кажется вообще лесом, что под злым ветром потерял все листья.

– Гм, – сказал я, – признаюсь, уже стыдно. Такое подумать! Нет, не перевелись еще настоящие мужчины...

– Не перевелись, – подтвердил он с гордостью. – Ишь, за баб... Да их везде как грязи.

– Да, – поддакнул я, – вам есть за что драться!

– Есть, – согласился он. – Ишь, гады, раньше нас хотели пролезть! Да за это вообще в приличных местах убивают.

– У человека всегда должно быть нечто более высокое, – произнес я торжественно, – чем бабы.

Мы со звоном сдвинули кубки, очень довольные взаимопониманием. Грегор снова выпил быстро и жадно, наливать новый не стал, принялся за сдобный пирог.

– А порт, честно говоря, все же маловат, – заметил я. – Но это на мой взгляд сухопутной крысы.

Он пожал плечами:

– Был даже великоват... лет десять тому. А потом на острове Зеленые Скалы отыскали алмазы, а на побережье Серых Холмов нашли железо прямо в болотах. Из него выплавляют и куют такие мечи! Стоит раз заточить... да, это мечи! Ну и вообще все, что выковать из такого, никогда не ржавеет и не портится... Но с острова одна дорога, если догадываешься, морем. Да и Серые Холмы со всех сторон в горах и болотах, там один путь – тоже морем. А здесь и бухточка удобная, и старая дорога выводит на перекрестье всех путей... в любое королевство.

Он снова запил вином, я слушал внимательно. Все понятно и даже знакомо, вот так в одночасье на пустом месте возникали и разрастались города в годы золотой лихорадки, так же в древности возникли все города-гиганты на побережье.

– А потом пошло, – добавил он, – кроме слитков железа и алмазов, начали возить и прочее... все, что дешевле морем, чем в обход горными тропами. Так что эта просторная бухточка очень быстро стала тесной... Оп, вот и самый знаменитый капитан явился!

С улицы вошел и остановился на пороге широкий краснолицый мужчина с короткими волосами, отчего бычья шея видна во всей красе. Плечи широки, ворот расстегнут до пояса, обнажая могучую волосатую грудь. За ним двое крепких матросов закрывают его спину, как верные телохранители.

– Яргард, – проговорил тихонько Грегор, в голосе слышалась нотка восторга. – Только он, говорят, побывал в Зеленом Море.

– Не врут? – спросил я на всякий случай, все равно про Зеленое Море слыша впервые. – А то моряки заливать умеют...

– Откуда же привез те дивные креветки? После них даже у древних старцев восстанавливается их молодая сила! Мог бы разбогатеть и осесть...

Для капитана быстро освободили небольшой стол, тщательно вытерли, даже табуретки обмахнули чистыми тряпками. Он деловито сел, я проследил за ним и спросил Грегора:

– Как с ним поговорить?

Он пожал плечами:

– Сам решай. Ничем помочь не могу, я перед ним малость виноват, подойти не рискну...

Я оставил на столе еще одну монету, поднялся, на меня сразу же обратили внимание из-за соседних столов, вот уж не думал, что выгляжу угрожающе.

Глава 5

Капитан не поднимал головы, пока я не приблизился, а когда вскинул взгляд, я ощутил некоторый трепет, как будто взглянула сама смерть. Тут же взгляд капитана смягчился, не видя противника или даже врага.

– Можно к вам? – спросил я дружелюбно.

Капитан промолчал, продолжая разглядывать меня пристально и без дружелюбия. Один из матросов уточнил:

– Куда?

– За стол, – объяснил я любезно.

– Зачем? – спросил тот же матрос, ибо капитан не соизволил снизить до разговора с неудостоенным ходить под парусами.

Вместо подробного объяснения зачем и почему, я сказал:

– Дальше плачу я.

Капитан промолчал и на этот раз, но и матрос умолк, только посматривал то на меня, то на капитана.

Глаза капитана, чуть прищуренные и словно бы с ленцой, прощупывали меня острым взглядом.

– За ваш счет? – проговорил он с той же ленцой. – Ваша милость, мы не голодаем. А когда пьем, то самое лучшее.

– Закажу лучшее, – пообещал я.

– Нас много, – добавил он.

– Угощаю всех, – уточнил я.

За столом хитро заулыбались, что-то чувствуют, капитан тоже улыбнулся, как акула при виде молодого тунца, жирного и глупого, сказал небрежно:

– А здесь почти все – моя команда.

Сердце мое дрогнуло, вдруг да не хватит моего золота, но сказал как можно небрежнее:

– Да какая ерунда! Не все ли равно, одного угощать или сотню?.. Для благородного человека как-то нет разницы...

Моряки замолчали, такой ответ явно слышат впервые. Капитан некоторое время изучал меня так же внимательно, наконец кивнул:

– Садитесь, ваша милость. Когда предлагают что-то бесплатно, надо быть настороже, в сладком червячке чаще всего стальной крючок. Но мы, предупреждаю, из тех, кто заглатывает такие крючки... и выплевывает, съедая червячка.

Матрос добавил хмуро:

– А иногда... и самого рыбака.

Второй моряк, высокий и настолько жилистый, как будто с него содрали всю кожу, обнажив мышцы, чем-то напоминает муляж из анатомии, тем более что весь какой-то красный, будто докрасна обожженный на солнце или слепленный из красной глины. Он присматривался ко мне испытующе поверх пивной кружки, но помалкивал.

Капитан наконец кивнул на него:

– Это мой боцман, Иварт. А этот, говорливый, Сенешаль. Не сенешаль, а Сенешаль, хотя говорят, что и настоящий сенешаль приложил к его появлению на свет руку. И не только руку.

Я ответил вежливо:

– Счастлив встретить таких людей.

Капитан усмехнулся:

– А я уж как счастливы мы, что родились такими!

Сенешаль коротко ухмыльнулся:

– Родились?

– Стали, – поправил себя капитан с ясным удовольствием. – Стали!.. Так за что вы готовы платить так щедро?

– Просто за разговор, – сообщил я легко. – Дело в том, что я прибыл издалека. Не хочу хвастаться, но всего пару недель тому назад я был еще на Перевале...

Моряки переглянулись, боцман кивнул, как будто я подтвердил какие-то его догадки, а капитан спросил с недоверием:

– Это что же... с той стороны?

– С той, – подтвердил я.

– Там, говорят...

Он не закончил, я мягко прервал, ибо если я плачу, то я и расспрашиваю, а не меня:

– Главное, чего там нет, так это моря. Кораблей там отродясь не видели. И я не видел. Вот сегодня впервые... А уж про загадочный Юг, который вы своими глазами видели, у нас только слухи! Вот и восхотелось мне побывать на той стороне океана. Но в порту первое разочарование: почти все каботажники плавают только вдоль берегов, а открытого моря побаиваются.

Первый матрос, который Сенешаль, хохотнул:

– Побаваются? Не то слово.

– Дрожмя дрожат, – добавил Иварт. – Они даже смотреть боятся в сторону открытой воды.

– Почему? – спросил я.

Он хмыкнул:

– Когда плаваешь, не выпуская из вида берег, не страшно даже плотникам. А открытое море... В большом море есть еще и свои моря, поменьше. Где с горячей водой, где с холодной, а где и вовсе...

Он перехватил строгий взгляд капитана, поперхнулся, а второй сказал поспешно:

– Да-да, каботажники – это не моряки. Это так. Поджатохвостые.

– Вот-вот, – согласился я. – Поджатохвостые. А про вас говорят с почтительным страхом и уважением. Только вы, сказали они, умеете переплыть океан.

В глазах капитана промелькнуло глубокое удовлетворение, как мы, мужчины, легко ловимся на лесть, чуть напыжился и сказал с той скромностью, что паче гордыни:

– Ну почему же... Еще Кучырь ходит... И даже Седьмой...

– Уже не ходит, – поправил боцман. – После того как вернулся чудом на половинке своей посуды. И без мачт... Если бы ветер не пригнал... Из всей команды Седьмого осталось трое.

Капитан кивнул:

– Да, не ходит, а жаль. Да и Кучырь поговаривал, что пора бросать эту игру с морским дьяволом. Ладно, мы в самом деле ходим на Юг. И что дальше?

Я сказал просто:

– Хочу туда.

За столом воцарилась тишина, матросы смотрели вытаращенными глазами. Сенешаль попытался что-то сказать, но боцман, повысив голос, рыкнул мощно:

– А почему нет? Если благородный господин хочет, почему он должен себе отказывать? Если у него, конечно, есть чем заплатить.

– Есть, – ответил я как можно небрежнее, играя богатенького наследника, который уже дорвался до папиного сундука. – С этим проблем не будет.

В наступившем молчании капитан в задумчивости барабанил пальцами по краю стола, звук был такой, будто стучали камешками.

– Вы где остановились?

Я сдвинул плечами.

– Нигде. Я намеревался сразу на корабль....

Они переглянулись снова, все то же нечто неуловимое скользнуло между ними, словно мгновенно обменялись целым каскадом слов и мыслей, сжав их неведомым архиватором. Капитан проговорил наконец с непривычной для человека его наружности деликатностью:

– Благородный сэра... нам, конечно, приятно, что вы платите за такое дорогое вино и весь ужин, но... как бы это сказать помягче, благородных лордов так часто бьют по голове... и хотя у вас шлемы, но что-то в черепашке перебалтывается, верно? Вы что же, всерьез решили, что вот так можно прийти в порт, заплатить за проезд и сразу же отплывете?

– Нет, – признался я. – Сперва приведу коня и свою собаку.

Они снова переглянулись, в глазах капитана я увидел даже восхищение такой наивной наглостью.

– Ах да, еще коня и собаку! А почему не стадо коров?

– Думаю, – ответил я в тон, – коровы и за океаном – коровы. А такого коня и такой собаки не найти. Впрочем, как и такого корабля, как у вас.

Он вздохнул:

– А где поселитесь?

– Не знаю, – ответил я честно. – Я же сказал, что въехал в город и сразу – в порт. Знатоки указали на этот кабак.

Матросы уже смеялись откровенно, капитан качал головой:

– Неужто за Перевалом все такие... Иварт, а не переселиться ли нам туда? Будем щипать их, как гусей. Состояние нагребем, сами лордами станем...

Иварт прогудел зычно:

– Дык неинтересно без моря.

Капитан сокрушенно покачал головой.

– И то верно. Какая жизнь без моря? Ладно, благородный сэра. Найдите место, где остановитесь, и сообщите нам. А мы перед отплытием на Юг пришлем гонца.

Боцман гоготнул:

– Если не забудем.

Сенешаль тоже загоготал, наблюдая за моим лицом. Я поднялся, высыпал на стол горсть золотых монет.

– Гуляйте, угощайте команду. Как только устроюсь, сразу сообщу. Как долго собираетесь протирать штаны на берегу?

Сенешаль суетливо сгреб золотые монеты в пригоршни, растопыренными локтями укрывая от взоров гуляк за другими столами. Капитан, даже не взглянув на золото, сказал задумчиво:

– Считайте, вам повезло. Мы уже все закончили, а товар на корабль как раз грузят. Дней через десять поставим паруса и выйдем в море.

– Десять дней, – вырвалось у меня. – Что-то я ползу к этому Югу, как черепаха.

Они улыбались, у всех свое восприятие времени. Кому-то покажется, что двигаюсь чересчур быстро.

Бобик сидит на заднице, как министр в ложе на премьере «Псковитянки» и заинтересованно наблюдает, как двое покалеченных с тихим воем отползают от Зайчика. За обоими тянется широкий кровавый след. Народ переговаривается, слышатся смешки.

Я раздвинул толпу, Зайчик приветственно заржал. Я погладил его по носу, приготовился запрыгнуть, сзади кто-то крикнул:

– Ваша милость, это ваш конь?

– Ты же видишь, – ответил я и прыгнул в седло.

За спиной захохотали, кто-то сказал громко:

– Эти двое тоже говорили, что это ихний. А он одному плечо вырвал, другому ноги перебил...

Я сказал Бобику с укоризной:

– А ты не мог отогнать заранее? Преступления нужно предотвращать, как говорят правозащитники, а не калечить тех, кто совершил по некоему затмению... как скажут психиатры. А то все друг друга перебьют.

Он хитро оскалился, забежал то справа, то слева. Зайчик тоже скалил огромные зубы, как сговорились. Зайчик подпрыгивал, как-то ухитрялся даже звучно хлопать ушами, хотя вроде бы они стоят торчком, но все равно, несмотря на все попытки меня развеселить, я чувствовал себя хреново, будто помахали перед мордой морковкой и тут же спрятали.

Хотя, конечно, это сам охамел, пора бы забыть о временах, когда купил билет и сразу отплыл, поехал или улетел. Здесь все совершается неторопливо, обстоятельно. Даже покроя одежды не меняется столетиями, я имею в виду женской одежды, что вообще невероятно.

Мальчишки всюду глазели на моего огромного коня и на Бобика. Самые смелые ухитрялись притронуться к его блестящему крупу.

Я поинтересовался медленно:

– А скажите, всезнающие... где здесь гостиница, чтобы остановился доблестнейший из рыцарей, увенчанный и осиянный... это я о себе, как вы уже поняли?

Они захихикали, откликаясь на шуточный тон, один сказал торопливо, стараясь опередить менее расторопных:

– Прямо и на следующем повороте через два квартала постоянный двор дядюшки Коркеля!.. У него самая лучшая...

Второй выкрикнул:

– Нет, лучше у господина Цорюрга!

– У хозяина Грабеуса, – крикнул третий. – У него сам король останавливался!

– Это было сто лет назад, – возразил первый, – тогда дядюшки Коркеля еще не было!

– Ну и что?

– А то!

С этим словами он заехал дружку в ухо. Завязалась драка, я поехал, бросив им серебряную монету. Драка вспыхнула еще яростнее, я ведь не сказал, кого одарил так щедро.

Глава 6

Гостиница дядюшки Коркеля выглядит добротной и просторной, но все они построены так одинаково, как будто у всех единый обязательный для всех поэтажный план. Я уже привычно бросил повод мальчишке во дворе, а хозяину велел показать свободные номера.

Он поморщился, когда прежде меня в комнату вошел Бобик и хозяйски осмотрелся, но смолчал. Все-таки собаки не воруют простыни, не бьют посуду и не будят среди ночи других жильцов пьяными драками или веселыми песнями. Вообще-то это Бобику он должен был предоставить лучшие номера, а мне лишь в том случае, если за мое поведение поручится Бобик.

– Терпимо, – провозгласил я. – Изволю взять этот номер.

– На какой срок? – спросил хозяин.

– На десять дней, – ответил я.

– Это хорошо, – сказал хозяин. – Хорошо, когда благородные постояльцы... да. И не на день-два. Чем платить будете, ваша милость?

– Чем скажешь, – ответил я беспечно, – хоть серебром, хоть золотом.

Он окинул взглядом мою потрепанную одежду, покосился на Бобика, что лег посреди комнаты и высунул язык.

– Конь у вас знатный, ваша милость... И собачка еще та... боюсь и подумать, кого она мне напоминает. Но у нас правило, денежки вперед...

– Тю на тебя! – удивился я. – А вдруг твоя гостиница сегодня сторит, и все мои деньги пропадут?

Он вздрогнул, перекрестился:

– Господи, такие страсти на ночь!.. С чего ей гореть, год назад прогнали последнего огневика. А с огнем у нас строго. Но с другой стороны, откуда мне знать, что вы не изволите тайно удалиться через три дня, забыв в благородной рассеянности заплатить? Для вас это пустяк, а для меня – убыток!

Я провозгласил надменно:

– Я заплачу. Порукой – мое слово!

Он помялся, возразил нерешительно:

– Но, ваша милость, вас никто не знает...

Я вытащил из мешка щит, хозяин терпеливо смотрел, как я примостил его возле постели, а у изголовья поставил меч.

– Видишь?

– Вижу, – ответил он с почтительным поклоном. – Красивый щит. И очень мудрая, так сказать, простите, отважная символика. Эти орлы, львы в гербе...

– Ты не на гербарий смотри, – прервал я. – Это рыцарский щит! А слово рыцаря разве не крепче стали? Если я нарушу слово, разве не буду покрыть бесчестьем?

Он вздохнул, развел руками:

– Ваша милость, мы живем в другом мире. У нас говорят: стыд глаза не выест, а брань на ворота не виснет. Потому у нас обязательны расписки, договора... И чтоб все было расписано до мелочи! А то вдруг не так можно истолковать... ну, чтобы деньги не отдать или не расплатиться вовремя. А то и вовсе... Словом, расписочка-то нужна, у нас без этого никак...

Я покачал головой:

– Вот так бежишь из коммерческого мира в рыцарский, а тот настигает... Ладно, сколько с меня? На, держи. А этот золотой сверху, чтобы за конем следили и даже баловали. У него бывают причуды, но это же благородный конь, а какой благородный человек без причуд? Конь – тоже человек. Зато никаких драк с посетителями, не орет похабные песни, не поджигает

гостиницу... Как и Пес. Только и надо, что хороший овес и душистое сено, перемешанное с гвоздями, старыми подковами и разным железным хламом. Словом, философ.

Он вскинул брови, долго всматривался в меня:

– Э-э... Гвозди и подковы – это и есть причуды?

– Да, – ответил я. – А так он смиренный. Даже вина ему не обязательно таскать. И девок в стойло можно не водить.

Он почесал в затылке:

– Ну, поломанных и стертых подков у нас полно. Если это все, то ваш конь будет доволен.

Вот оно, будущее этого мира, мелькнула мысль. Если для рыцаря культом является верность сюзерену, честь и доблесть, то для этого будущего олигарха главное – культ наживы и набитого кошелька.

Кланяется почтительно, но улавливаю в его манерах ту будущую вольность, что зреет и проявится очень скоро. Лет через двести-триста, если по всему обществу, но ростки вот они, здесь. Смотрит этот росток будущего устройства общества на меня с затаенной усмешкой и презрением к моим рыцарским идеалам. Уж он-то знает, что все покупается и продается, что люди чести – дураки, что если можно украсть и не попасться, то украсть нужно обязательно, главное – результат!

Устроившись в комнате, я свистнул Бобику и спустился в нижний зал, оттуда вкусно тянет ароматом жареного мяса.

В нижнем зале весело и шумно. Это дома мы просто едим, а в общественных местах обязательно пируем, даже если просто едим. В зале народ гораздо ярче и пестрее, чем в гостиницах, в которых я побывал. Сказывается портовость города, сюда ведут не только караванные тропы, но и морские. Вон в тех крепких мужчинах сразу угадываются моряки, от них так и веет океанскими ветрами, просоленностью и даже некой парусностью.

Еду и вино принесли сразу, приятно удивил выбор, у дядюшки Коркеля хорошие поставщики. Я поужинал с великим аппетитом, еще с большим азартом хрустело костями под столом. Я отправлял туда сперва обглоданные кости, потом сунул Бобику половинку жареного гуся.

После короткого хруста он высунулся с таким видом, будто собирался попросить подать ему и кувшин вина.

– Нет уж, – сказал я наставительно, – казаки в походе не пьют.

Он удивился, в каком это мы походе, мы же всего лишь в квесте, я оправдываться не стал, расплатился щедро, мы же с тобой благородные, мода давать чаевые пошла от нас, идиотов, которые ленились высчитывать и всегда давали больше: мол, этот народ все равно скоро все вернет в виде податей.

Бобик предложил идти спать, поели-то как хорошо, я объяснил, что на ночь наедаться вредно, а раз уж нажрались, то надо хотя бы выйти подышать свежим воздухом.

– Я с тобой, – сказал Бобик.

– Куда уж без тебя, – ответил я, и он побежал к выходу довольный, что обошел противного коня, с которым всегда соперничает за мое внимание.

В небе яркая россыпь звезд, всяких разных, до сих пор не помню их расположение. По мне так поменяй их все местами, я не замечу, что значит – цивилизованный. Это дикари назубок знали место всех-всех, придумывали красивые названия как каждой в отдельности, так и созвездиям, хотя никакие это не созвездия, мало ли что самая отдаленная звезда для наблюдателя с Земли выглядит аккурат между двумя близкими.

Дикарям можно было смотреть на небо, а при цивилизации больше нужно смотреть под ноги: не вступишь ли в отходы этой самой цивилизации. При моем зрении мне пылающие факелы только мешают, слепят, как внезапный свет фар встречной машины, я двигался

неспешно, присматриваясь и стараясь понять, что же делает этот город таким непохожим на все другие, что встречались ранее.

Большинство людей решает проблемы по мере их наступления... на горло. Потому я решил не ломать голову, как найти Адальберта. Сам найдется, я буду настороже. Да и вряд ли затеет что-то на улицах города...

Как будто перепрыгнул пару эпох и сразу вошел в девятнадцатый, а то и в двадцатый век, разве что здесь уцелела атрибутика Средневековья, но все отношения, раскованность, стремление любой ценой оттянуться, побалдеть, расслабиться – это уже из будущих эпох. Как и отношение к интимным штучкам и делишкам. Здесь, как вижу, профессия шлюх не относится к разряду греховных. Даже с виду добропорядочные горожанки держатся так, что любой задери юбку – не станет особенно возмущаться и звать стражу.

Гм, интересно, а есть ли здесь церковь? Что-то не заметил, все-таки церковь в любом городе – на самом видном месте. И обычно это самое высокое здание, самое красивое, ведь с языческих времен бытует мнение, что в церкви живет сам Бог. И хотя это в капищах и храмах жили боги, но во-первых и церкви нередко именуют по-старому храмами, во-вторых, и христианство немало позаимствовало от язычества.

Факелы отбрасывают резкие угольно-черные тени, а куда их свет не достигает, там все ровно и серо, как на черно-белой фотографии. Именно там пробираются всякие, кому нужно проскользнуть незамеченным: то ли шпионы соседних королей, то ли загулявшие мужья. Я делал вид, что не вижу, а они бросали осторожно-трусливые взгляды не столько на мой меч и кинжал у пояса, сколько на чинно вышагивающего рядом Бобика, похожего на небольшую лошадку.

Проскользнула парочка, мужчина заботливо укрывает плащом женщину от посторонних взоров, явно жену знатного сановника, сбежавшую на часок поразвлечься с молодым красавцем, возле кабака пьяная драка, кого-то выволокли за шиворот и пинают ногами. У стены одного из домов устроилась целая компания, посреди бурдюк с вином и четыре оголенных меча, все запоздавшие прохожие поспешно прижимаются к стенам и стараются проскользнуть как можно тише и незаметнее.

Я тут же намерился пройти прямо через них, ненавижу, когда какая-то пьяная или тупая тварь стоит посреди тротуара, загораживая дорогу, затем напомнил себе, что я просто еду на Юг, мне тут все по фигу, мне скоро на корабль, нечего в чужой быт со своим свиным рылом и... все-таки пошел прямо.

Они обалдели, когда я ступил в середину, поддел носком сапога бурдюк и, натужившись, отшвырнул подальше, ухитрившись шпорой пропороть кожаный бок. Темная струя сразу же хлынула, как из вертящейся шутихи, а я сказал наставительно:

– Приличные люди не загораживают дорогу. Если кто-то из вас считает себя неприличным, пусть возьмет меч.

Они и так собирались расхватать мечи, но мое приглашение почему-то их охладило. Мы с Бобиком постояли с минуту, нагнетая напряжение, потом я повернулся и медленно пошел по улице, во всю мощь задействовав затылочное, так сказать, зрение. Из-за этого картинка скачут и накладываются одна на другую, мозг не успевает координировать и составлять общую панораму, чтобы получался обзор спереди и сзади, я ощутил короткий приступ тошноты и тут же погасил вальдшнепьи глаза, как иногда называю за то, что у вальдшнепа, как известно всякому, глаза на затылке.

Собственно, это я сам недавно узнал, как и то, какими двенадцатью способами разделить тушу вепря, чтобы не стыдно показать работу самому королю.

Судя по увиденному, в этом городе рыцарство уже сдает позиции. Во всяком случае, пока не встретил ни одного рыцаря. Конечно, среди прохожих попадаются люди благородного

звания, но я их просто угадываю, а так не выпячивают доспехи, не звякают шпорами, не скачут посреди улицы, заставляя простой народ шарахаться к стенам.

Возможно, этот быстро растущий город уже имеет больше прав, чем могучие феодалы, когда-то позволившие селиться вокруг своего замка всяким там мастеровым и торговцам. Теперь эти мастеровые и торговцы, создавшие целые цеха, сами нанимают городскую стражу, сами решают, какие стены возвести вокруг города и на какую высоту, а также сами вооружают войско для охраны города или же нанимают на стороне дешевле.

Естественно, законы в таких городах соблюдаются строго, не в пример феодальной вольнице: безопасность торговли, оружейных и прочих мастерских, приносящих доход, гарантируется, а неподкупная, насколько это возможно, стража зорко бдит, чтобы в охраняемом ими городе не было даже намека на пьяные драки, грабежи, дебоши, стычки с применением оружия.

На меня потому и смотрели с подозрением, старший из стражников не зря предупредил, что будь я хоть сам герцог, но драки здесь запрещены, а если вздумаю буяннить, поджигать дома и лишать кого-то жизни, то не посмотрят на мое благородство, а сразу дубиной по башке и в подземелье на цепь. Что вообще-то, как демократу, мне должно понравиться. Правда, я феодал, потому я как бы в некотором раздвоении чувств, как будто интеллигент, прости, Господи, за грубое слово...

Предостерегающий холодок прошел по телу, хотя ночь нежна, воздух густой и теплый, как свежесдоенное молоко, а все встречные мужчины в расстегнутых рубахах, а женщины с оголенными по плечи руками и в платьях с глубоким вырезом. Я настороженно посматривал по сторонам, вновь запустил, переборов мгновенную дурноту, тепловое и ночное зрение на полную мощь, однако явного недружелюбия не ощутил, разве что два-три раза по мне скользнули прощупывающей мыслью: а не удастся ли поживиться чем-нить с этого здоровяка?

Наконец я догадался взглянуть вверх, вдруг кто наблюдает за мной с крыши, и почти сразу увидел, как исчезают звезды.

Глава 7

Звезды гаснут, гаснут, словно по небу двигается черный ледник. Душа трепыхнулась, рухнула в пропасть... и воспрянула, когда увидел, как за некой гранью звезды вспыхивают снова. То, что застилает звезды, огромное, как туча, но куда страшнее, если бы звезды исчезли в самом деле.

Я всматривался до треска в висках, существо обрело наконец очертания, что-то подобно скат-гнюсу, гнусной такой рыбе, заряженной электричеством. Странная тварь медленно плывет по небу, почти не двигая крыльями, то есть отрезками на краях туловища.

Я ожидал, когда пройдет и удалится к морю, однако тварь неумовимо быстро развернулась, я даже не успел заметить, и поплыла обратно. Вернее, не обратно, а как-то по линии незримого треугольника.

Мимо прошел прилично одетый горожанин, немолодой, степенный, похожий на старшину ремесленников, я поинтересовался наигранно бодро:

– Вы не подскажете, что это за птица?

Он посмотрел на меня, потом в небо.

– Где?

– Да вон же!

Он долго всматривался, наконец покачал головой.

– Да нет там ничего. Это я вблизи плохо стал видеть, но вдаль – ого!

Холод прокатывался по моему телу. Я заставил себя сказать как можно беспечнее:

– Ах да... Это облачко... фантазия разыгралась!

Он сочувствующе покачал головой.

– Это все от молодости. Я тоже раньше в облаках какие только дворцы не видел! А сейчас смотрю под ноги, вдруг кто кошель обронил?

Захочет, ушел, а я отодвинулся в тень и прикидывал, что если тварь заряжена, как говорится магией, а то и целиком из магии, то наверняка увидит меня даже в личине исчезника. А если увидела, то и передаст, если у нее такая возможность есть, кому нужно... Если, конечно, я уже заинтересовал кого-то здесь.

Из желающих мне зла не так уж и много в этих землях, разве что Адальберт, неизвестно куда уползший зализывать раны, да еще король этих земель, с которым я так неосторожно поссорился, защищая свою «сестру»...

Но вряд ли я настолько значимая величина, чтобы ради меня выслать такое чудовище. Здесь что-то покрупнее, глобальнее, геополитичнее, трансконтинентальнее...

Знать бы еще, должна ли эта тварь вернуться к хозяину или же работает по принципу беспилотного корректировщика. Если дело во мне, то сюда уже стягиваются какие-то темные структуры.

– Бобик, – сказал я, – подышал свежим воздухом?

Бобик широко зевнул, показав огромную пышущую жаром красную пасть.

– Вот-вот, – согласился я. – Возвращаемся.

В других городах уже давно ночь, свет погашен, а люди спят, набираясь сил для нового трудового дня, а здесь не только свет в окнах, но даже на улицах разожжены костры, на вертелах жарят коровьи туши. Музыка не умолкает, народ оттягивается, яркие языки огня подстегивают восторженно-дикарское веселье, в пляс пошли уже не только бродячие актеры, но и весьма добропорядочные с виду мужчины и женщины.

Я бросил пару монет, взял деревянный прут с обжигаяще горячими ломтиками мяса, вкусно, прослойки из лука придают необходимый привкус, к тому же эти шашлыки на виду

у всех по всем правилам сбрызгивают кислым вином, чтобы не подгорели и не ссохлись. Все прекрасно, народ здесь счастлив и веселится напропалую, как будто завтра уже конец света.

Дважды из толпы выскакивала какая-нибудь особенно отчаянная молодая женщина или уже совсем охмелевшая и, ухватив меня за руку, пыталась утащить танцевать, я отнекивался, и она, ухватив кого-нибудь из моих соседей, исчезала в вихре танца.

Дожевав мясо, неплохое, замечу еще раз, запил дешевым вином урожая этого года, в нем своя прелесть, бросил остальное Бобику. И вино, и мясо, и танцующие женщины – все прекрасно, но холодок пробегает по коже, как только вспомню эту черную птицу-ската размером с целый квартал... «Церебальд, – вдруг вспомнил я, – это же Церебальд. Его появление предвещает великие потрясения».

Песни и веселые вопли мы услышали еще за два дома до постоянного двора. Двери распахнуты еще шире, в нижнем зале играют и пляшут приглашенные музыканты, служанки сбиваются с ног, разнося вина, эль и еду, воздух пропитан дразнящими запахами.

Бобик посмотрел вопросительно, я сказал укоряюще:

– Сколько в тебя влезает? Мы же спать идем!

Он вздохнул и побежал к дверям нашей комнаты. Мол, смотри, я помню, куда нас поселили.

– Молодец, – сказал я и, открыв дверь, впустил его, а сам, стоя на пороге, задействовал все виды зрения, все чувства. Пришлось держаться за косяк, комната кружится, как китайский зонтик в руках шаловливой девочки. Странно и дико видеть самого себя, размытого и в разных местах, уже поблекшего, но еще можно разобрать, что это я только-только осмотрел комнату и сейчас пойду ужинать...

Бобик порыскал по комнате и, тяжело вздохнув, грохнулся костями на пол.

– Мин нет, – согласился я и, перешагнув через него, прошелся по комнате, запер дверь на засов и подпер еще и поленом. Для удобства на полу для упора прибитая небольшая железная пластина с выступом, сервис на высоте. – Но ты все равно бди.

Бобик вяло подвигал хвостом и закрыл глаза. Ноги гудят от усталости, но нервное возбуждение не дает рухнуть на постель. Итак, я прибыл в так называемый плебейский город. Так называемый, потому что именно так называли в Средние века города, где власть от сеньоров переходила к выборным городским властям.

В плебейских городах сословие торговцев развивается как нигде быстро. Землями владеет только старая знать, а купцы крутятся без земли, у них только деньги, которые вкладывают в недвижимость. Церковь то и дело пытается раздавить их как класс, резко запрещая ростовщичество. Еще Христос учинил погром в храме, переверачивая столы ростовщиков, а потом избил их и выгнал, тем самым учинив первый в мире еврейский погром... Нет, конечно, еврейские погромы были и до него, были всегда, где евреи – там и погромы, но это был первый погром со стороны еще не оформившегося христианства, так что Христос оказался еще и первым антисемитом-христианином.

Правда, я привык жить по рыночным законам и могу трезво сказать, что церковь запрещает ростовщичество в первую очередь потому, что сама владеет огромными земельными угодьями и доход получает с них, но это будет неправда: в романтическое время Средневековья даже купцы нередко пренебрегали выгодой, а уж рыцарство и церковь – подавно. Исключения составляют немногие трезвые и прагматичные дельцы, которые и развивали эти плебейские города. Монстры для того времени и нормальные бизнесмены для моего прошлого времени: по трупам пройдут к своей насквозь материалистичной цели, пренебрегая всеми условностями церкви и рыцарства.

Бобик приоткрыл глаз, я все не ложусь, вздохнул и прикрыл лапой морду. Я разложил на лавке все доспехи и все оружие, что привез с собой: облачиться в полный доспех и появиться на улицах города... буду выглядеть, ну, пусть не то чтобы несовременно, но все-таки как чужак.

– Как чужак, – сказал вслух. Те горожане, которых встречал, хорошо одетые, многие даже пышно одеты, но железо только на городской страже. – Гм, слишком большой скачок...

Но все-таки народ здесь одевается щегольски. Дворяне, купцы и богатые торговцы, что при таком раскладе являются знатными и уважаемыми гражданами, носят золотые украшения, еще лучше – что-нить редкое, старинное, что ценится выше золота.

Подумав, я вытащил браслеты Арианта. Не помню даже, чтобы служили мне, как доспехи, разве что в самом начале, а как украшения – глупо, у меня нормальная ориентация, только путаюсь, в какой стороне Юг и Север, а уж про зюйд-зюйд-вест у нас вообще только чукчи знают.

Прохладный металл приятно охладил кожу. Я нацепил одни на бицепсы, с удовлетворением отметив, что от моей беспокойной жизни они увеличились в размерах, а эти вот на запястья...

На бицепсах еще так-сяк, а на запястьях слишком уж по-женски, и хотя вроде бы выполняют некую боевую функцию, ну так ими вроде бы можно отбивать удары кинжала или даже меча... хотя не представляю, как это возможно. Дело даже не в ловкости, а тяжелый меч просто переломит руку...

Я крутил толстый браслет так и этак, украшений никаких, только непонятные знаки, то ли буквы незнакомого языка, то ли пиктограммы. В какой-то момент под пальцами вроде бы что-то сдвинулось, я насторожился, начал мять и двигать браслет по руке, поворачивая его то одной стороной, то другой...

Щелчок, браслет вдруг стремительно раздвинулся, рука от кисти и до локтя оказалась в стальной трубе, плотно охватывающей плоть до самого локтя.

Замерев, я смотрел тупо, потом решил потрогать браслет на бицепсе. Мять и щупать пришлось долго, наконец сумел в нужном месте расположить пальцы: щелкнуло, вниз побежали, наползая друг на друга, стальные колечки, еще один щелчок, и обе трубы соединились.

Я осторожно подвигал рукой, с локтем все в порядке, не обнажается, там все время блестит металл, надежно укрыто, рука моя защищена более чем надежно.

Скосив глаза, усмотрел зияющий раструб над верхней частью браслета. И сюда выдвинулись кольца! Я бессильно выругался, ну почему я такой идиот, поспешно вытащил из мешка кирасу, влез в нее, кольцо с моего бицепса само дотянулось до стальной дыры, из которой торчит моя рука, и перекрыла ее так надежно, что в этом рыцарском доспехе могу пройти по дну реки, рубашка останется сухой.

Идиот, толкалось в черепе горячее и злое, пока я проделывал все эти манипуляции, все время упрощая их, с браслетами на правой руке, ну самый настоящий идиотище...

Когда раздвинулись и полностью укрыли руку от кисти и до плеча, я увидел себя в прекрасном рыцарском доспехе, настоящем рыцарском, и выругался с таким стыдом и злостью, что Бобик открыл один глаз и посмотрел с явной укоризной.

Ну почему я не сообразил это раньше, когда такой доспех был так нужен в турнирных схватках или в боях? А здесь его не надеть, чтобы не вызывать недоброжелательного внимания...

Походив по комнате, я снял кирасу, стальные трубы кое-как сложил в браслеты, лег и долго старался заснуть, но сердце колотится часто и мощно, кровь ходит горячими волнами по телу.

Идиот, столько путешествовал, храня доспех Арианта в седельном мешке, сражался в простых, потому что доспехи Арианта и не доспехи вовсе с рыцарской точки зрения...

Завтра с утра надо поупражняться, чтобы браслеты на бицепсах и запястьях раскрывались при одном касании. И чтоб укрывающая руку сталь сливалась с кирасой в единое целое моментально, а не после случайного нажатия.

Помню, попадал впросак всякий раз с новой упаковкой молока, кофе или рыбы, неважно, всякий раз открывал с великими трудностями и не с того конца...

Надо еще присмотреться и к поясу, который захватил из сокровищниц леди Элинор. Недаром занимал такое почетное место, хотя с виду пояс как пояс, в том смысле, что нет избытка золотых блях или драгоценных камней. Только ювелирность исполнения шепотом кричит о невероятной древности, когда существовали иные технологии...

Сон пришел незаметно, первую половину ночи я где-то скакал и летал, а потом произошло то, на что надеялся: не зря же на ужин ел жареное мясо, только от специй, что разжигают огонь в крови, воздержался. Все дело в том, что Санегерийя, как гласят старые источники, приходит во сне к одиноким мужчинам, а ее визиты заканчиваются поллюциями. Визиты всегда короткие, я еще в той старой жизни пытался растянуть это удовольствие, но получалось весьма плохо, в смысле, удавалось растянуть разве что на пару секунд дольше. Пусть даже на пять, но если дольше, то она вообще исчезала, оставив чувство разочарования...

На эту ночь я планировал совместить несовместимое: и потрахаться наскоро, и выудить какую-то ценную информацию за этот ничтожный период времени. Потому важно, что и как пожру на ночь: если лягу усталым и голодным, вообще не придет, а если нажрюсь жареного мяса со специями, то эякуляция произойдет еще до того, как она подойдет вплотную, чарующе покачивая мощной грудью.

– Саня... – выдохнул я, чувствуя в теле приятное томление.

Она вынырнула из тумана, что принял форму крепостной стены, пошла ко мне жарким мягким телом, улыбчивая и покорная, отвечающая всем моим желаниям. Даже грудь тут же раздалась в размерах и приподнялась, отвечая моим запросам, а соски вздулись и вытянулись, ставши похожими на ягоды «пальчикового» винограда.

– Погоди, – сказал я торопливо, – ты так редко стала приходить... Что-то случилось?

– Я прихожу, – ответила она чарующим голосом и подошла вплотную, – но ты утром уже не помнишь.

– Да, – ответил я, – по следам, гм, вижу, что посещала... Какие-то помехи?

– Помехи, – подтвердила она. – Еще не знаю, как их обойти. Если получится, смогу показать тебе наш мир... вы его называете демонским...

Она прижалась, я обхватил крепко-крепко, чувствуя под пальцами и всем телом сладкую податливую плоть, созданную только для чувственных утех, по мне прошла сладостная судорога, тело содрогнулось, в ушах послышался тихий довольный смех Санегерийи, пришла не зря, затем я ощутил, что вцепился в подушку, повернулся на другой бок и заснул снова.

Глава 8

Утренняя свежесть заставила поежиться, со стороны моря так вообще тянет взбадривающим холодком. Я принюхался, добавилась тонкая струйка ароматов свежесоленной рыбы, но воздух оттуда идет чистый и свежий, это здесь уже все ароматы цивилизации: от кухни прет вонь подгоревшего масла, там на огромной сковороде жарится дешевая рыба, несет несвежим бельем работников кухни...

Стадо овец, мелко-мелко перебирая точеными копытцами, тесной отарой вливается в распахнутые ворота, а там, сбившись в кучу, застывает, только время от времени разрывая воздух резкими гортанными криками. Чабан побежал со всех ног на кухню спрашивать, куда их и сколько, на крыльцо спустился хозяин двора, еще сонный, халат на груди распахнут, видна заросль густых курчавых волос, уже наполовину седых.

Я спустился с Бобиком в нижний зал, хорошо позавтракали, удивительно вкусно и дешево, прекрасная гостиница, а готовят все, что закажешь, только бы заплатил.

Мелькнула мысль наведаться в порт, но наверняка буду выглядеть глупо: сказали же, что корабль отправится только через десять дней, значит, нечего дразнить тамошних воров приличной одеждой дворянина. Мне вообще-то сказали, что корабль отправится не «только через десять дней», а «всего лишь через десять дней», мол, чтобы я проникся, как мне повезло. Я старался проникнуться, но как-то получалось плохо.

Бобика после завтрака оставил сторожить комнату, он тут же лег на мое ложе, скотина, и задремал, донельзя довольный. Я переделся, стараясь выглядеть как можно более похожим на простого хотя и зажиточного горожанина.

Распахнул двери на улицу, в лицо ударил рокот... нет, еще не моря, а шум бурной жизни города: продают и покупают прямо во дворе гостиницы, отчаянно торгуются, а дальше народ заглядывает во все лавки, жизнь кипит, как будто не утро, а начало великой распродажи по скидкам, что продлится только один день.

Заглянул к Зайчику, тот спит стоя, либо прикинулся, что спит, с ним никогда не угадаешь: спит или нет, всякий раз неподвижной каменной статуи, затем вышел из гостиницы, прошел два дома и остановился в удивлении. На доме широкая медная пластинка, оказывается, здесь живет и принимает великий маг Бибгеус. Я с минуту смотрел, стараясь понять, что это означает, но так ничего и не придумав, отправился дальше. Лавки, уличные лотки, крохотный рынок на перекрестке и снова домик с такой же медной табличкой: маг Гренер, тоже великий.

Я пошел, оглядываясь и удивляясь. В христианском мире это немислимо, но в этом городе, как мне уже объяснили с восторгом, свобода, а я уже знаю, что при первых же проблесках свободы всякая дрянь вылезает из подворотен и быстро-быстро обирает лохов. Потом эта же дрянь пробирается во власть. К счастью, здесь еще должна быть сильна аристократия, а цеховые организации только создаются, но власть сеньоров, судя по всему, не просто ослаблена, а даже заметно ослаблена...

Возможно, сами сеньоры и потворствуют чернокнижникам, а церковь здесь потеряла несокрушимые позиции, которые у нее там, по ту сторону Перевала, пока еще незыблемы и непререкаемы.

С другой стороны, разве это маги, что вот так живут в городе и принимают народ? Маги должны обитать высоко в горах, недоступные для простых людей, на дальних островах или в жутких заколдованных лесах, но уж никак не в простых, хоть и богатых домах.

Из мясной лавки вышла женщина с большой плетеной корзиной. Я бы не обратил внимания, женщина как женщина, но один из мужчин с той стороны улицы запустил в нее яблоком. Оно попало в плечо, женщина вскрикнула, и тут же еще двое таких же поддатых с довольным

гоготом начали швырять сперва огрызки яблок, а потом и вовсе нагибались и хватали из-под ног камни.

Я вскипел, если бы бросали в мужчину, то и хрен с ним, чувство справедливости почти молчит, а женщину как-то тянет защитить, срабатывает чувство, что все женщины – наши, то есть мои, всех их я вообще-то могу, потому руки прочь от моих женщин, грязные твари...

Как-то сам по себе я развернулся, еще пара шагов – и оказался между женщиной и бросающими камни. Двое оторопели и остановились, третий по инерции бросил камень, тот ударился мне в плечо и отскочил, как от тугой резины. Я обрадованно потащил из ножен меч, на меня совершенно нападение, я всего лишь защищаюсь.

Все трое тоже все поняли и, топчя друг друга, ринулись прочь. Я повернулся к женщине. Она, выронив корзину, с бледным лицом и закушенной губой держалась обеими руками за живот. Лавочки пугливо выглядывают из своих нор, на меня все смотрят настороженно, с опаской.

Я вложил меч в ножны, женщина подняла голову, я узнал все ту же, со сросшимися бровями. Поколебавшись, я поднял с земли корзину.

– Живете далеко?

Она помотала головой:

– Нет, во-он там мой дом...

– Я донесу корзину, – сказал я великодушно. – Вижу, вам досталось.

Она взглянула с испугом, но я с корзиной в руке двинулся в указанном направлении, еще не разобрав, какой из домов ее, а женщина, чуть прихрамывая, пошла следом.

– Не везет вам, – заметил я.

– Да уж, – послышался за спиной ее прерывающийся голос.

– Уже второй раз, – сказал я, – а день только начался. И это в таком веселом городе! Даже очень веселом. Или это лично вас здесь не любят?

Она долго молчала, а когда я оглянулся, в ее темных глазах блистали недоверие и настороженность. Не выдержав моего взгляда, ответила сумрачно:

– Как вам сказать... Сейчас не любят, как вы говорите, меня. До этого так же не любили других...

Что-то в ее голосе заставило спросить:

– А где они сейчас?

Она ответила ровным голосом:

– Двое уехали из города, все бросив... одного убили. Еще один переехал... в другую часть города.

Мимо нас проплыл ряд домов, впереди на значительном расстоянии за буйным садом выглядывает красная черепичная крыша огромного двухэтажного дома из белого кирпича, на крыше флюгер в виде петушка. Плодовые деревья теснятся перед домом, как стражи, справа и слева сад тянется и тянется: немного запущенный, даже заброшенный, но ветки гнутся под тяжестью яблок и груш. Я услышал треск и увидел, как опустилась до самой земли обвешанная плодами ветка, а на стволе осталась белая рана.

Женщина, к моему удивлению, шла к этому дому.

– Прекрасный дом, – сказал я с почтением. – Вы там убираете?

Она качнула головой:

– Нет.

– Живете у родни?

– Да нет же...

Я удивился еще больше.

– Неужто ваш?

Она кивнула:

– Да.

– А сад?

Она вздохнула:

– И сад мой.

– Прекрасный сад, – сказал я с чувством. – Даже то, что он вот так... художественно запущен... в смысле, это красиво, когда все деревья не выстраиваются, как подданные короля на смотре, а просто живут своей жизнью. В таком саду уютнее, душа отдыхает.

Она посмотрела с удивлением, но смолчала. Забор высокий и добротный, а ворота массивные, как будто ведут в крепость. Женщина отворила калитку, я подал ей корзину.

Она чуть пригнулась под ее тяжестью, в низком вырезе платья блеснули ослепительно белым круглые полушария молочного цвета. Я невольно бросил туда взгляд, эта женщина, по моим меркам уже чуть ли не старуха, сохранила молодость и красоту, а когда румянец вспыхнул на загорелых щеках, выглядит просто юной девушкой с ее ярким блеском глаз, зубов, с полными губами цвета спелой черешни.

Перехватив мой пристальный и довольно откровенный взгляд, она почему-то смутилась, опустила голову, от чего румянец разгорелся еще ярче и переполз и на шею, а розовые уши запылали огнем, как факелы.

Я отвел взгляд, непристойно так разглядывать замужнюю женщину. Она из тех женщин, в присутствии которых чувствуешь себя мужчиной, в домах таких женщин всегда чистота и порядок, они умеют окружить самца заботой и лаской...

– Может быть, – сказала она нерешительно, как-то по-своему истолковав мое молчание, – зайдете?.. У меня почти готов обед, есть хорошее вино. С моей стороны это хоть и не совсем... правильно, но вы были так добры ко мне! Вчера и сегодня...

Я кивнул:

– С удовольствием. Я в самом деле не прочь перекусить. Вроде бы позавтракал, но здесь такой воздух с моря, что уже снова готов ублажать желудок.

Она придержала калитку, я пригнулся и втиснулся во двор. За спиной звонко щелкнуло, впереди уложенная неровными бульжниками дорожка к дому, по обе стороны кусты роз, что превратились снова в терновник, из которого их когда-то вывели, а за кустами огромный сад из яблонь, груш, абрикосов, слив, дальше вообще сплошная стена деревьев, спелые плоды блестят на солнце округлыми боками.

Я снова взял корзину и пошел за женщиной, успев прощупать ее в тепловом и запаховом, но женщина как женщина, в расцвете лет, гормональное развитие на высоте, пахнет свежестью, тепловой фон равномерно распределен по всему телу, разве что в верхней части туловища багровости больше, но это говорит всего лишь о том, где больше крови, а ни о какой-то ведмьчести.

– За этим садом сразу море, – сказала она, не оборачиваясь. – Но там пустой и каменистый берег.

– Все равно схожу посмотреть, – ответил я. – Я так долго к нему шел!

Она чуть покосилась на меня через плечо. Глаза удивленные, спросила с недоумением:

– К морю?

– Да.

– Да что в нем хорошего?

– Кому как, – ответил я. – Есть же влюбленные в море?

Она зябко передернула плечами:

– Не знаю. Я так его ненавижу.

– Почему?

– У меня отец и мать утонули в бурю.

– Сочувствую.

Она снова оглянулась, смягчила тон:

– Весь наш город превратился в... сплошное развлечение. Люди перестали работать, только развлекаются. Потому и дивлюсь, чтоб одинокому молодому сеньору да не найти себе развлечений в самом городе?

Я хотел было уточнить, что разве нет других развлечений, поинтереснее, но подумал, что лукавлю. Во все времена главными остаются базовые радости: выпить и потрахаться, потрахаться и выпить. И не так уж важно, трахаешься в пещере или на компьютерном столе.

– Вообще-то верно, – согласился я. – Но с этим успеется.

– Да и море не убежит...

Дорожка подвела к крыльцу дома, там с одной стороны кусты роз вообще потонули под мощными зарослями чертополоха, с другой стороны – разохшаяся бочка под водостоком с крыши, обручи проржавели и свалились, вода выбежала в щели. Женщина посмотрела на меня виновато, почти умоляюще.

– Руки не доходят...

– Да-да, – согласился я, – сад просто невероятный... Так и кажется, что тянется до края света.

Она поднялась на крыльцо. Я гадал, что же случилось, что одна в таком огромном хозяйстве. Не говоря уже о саде, сам дом содержать – это не меньше трех слуг надо, да и тем не придется сидеть сложа руки.

В доме, на удивление, чисто, в первой же комнате светло, большой стол с тщательно выскобленной поверхностью, чистые шторы на окнах.

Она слабо улыбнулась:

– Я сейчас соберу на стол.

– Да, если не слишком побеспокою...

Наверху на лестнице послышались звонкие детские голоса. Я поднял голову. По ступенькам сбегает двое мальчишек, такие же черноволосые и со сросшимися густыми бровями, фамильная черта. Увидев незнакомца рядом с мамой, замерли, глядя на меня испуганными черными, как спелая смородина, глазами.

– Мои старшенькие, – сказала женщина тепло, – Ганс и Фриц. А меня, кстати, зовут Амелия...

– Рад слышать, госпожа Амелия. Старшенькие, это значит, что есть еще?

– Есть, – ответила она почему-то грустно. – Аделька и Слул. Они еще совсем маленькие. Гансу и Фрицу одиннадцать и десять, а тем пять и три.

– Счастливая у вас семья, – сказал я дежурную фразу, улыбнулся детям, повернулся...

...и язык прилип к гортани. На дальней стене в простой раме портрет мужчины средних лет. Рисовал явно не придворный художник, а кто-то из начинающих гениев: смело, остро, без мелких деталей и вытютюливания, потому портрет выглядит почти живым, хотя это всего лишь набросок с хорошо прорисованным лицом, а плечи и грудь лишь намечены небрежными штрихами.

Холодок продолжал растекаться по моему телу. Этого человека я уже встречал, да не просто видел... Да, это крупное лицо с холодными и жестокими глазами, тогда, помню, на меня пахло могильным холодом... И сейчас – как будто я на миг потерял одежду, стоя на холоде.

Госпожа Амелия проследила за моим взглядом. На лицо ее легла печаль.

– Это мой муж.

– Гм... – пробормотал я, не зная, что сказать, – прекрасный портрет... Очень талантливо передано. Уверен, что и сходство тоже...

Она кивнула:

– Да. Все говорят, что как вылитый.

– Художник живет в городе?

– Нет, уехал в столицу. Пригласили ко двору. Кто-то из знатных увидел его работы.

– Понятно, столица всегда забирает самых талантливых. А муж... дома?

Я отводил взгляд, спрашивать такое очень уж не по себе, знаю же, где я его оставил, утыканного стрелами, а женщина, словно ощутив недосказанное, посмотрела тревожно и вопрошающе.

– Нет... он уехал пять месяцев назад.

– И...

– Не вернулся, – договорила она с трудом. – До сих пор не вернулся.

– Да, – ответил я, – да...

Она спросила быстро:

– Что «да»?

Я сказал неуклюже:

– Времена беспокойные. Мало кому удается уложиться в те сроки, какие наметил. Что-то да задерживает...

Она сказала тоскующее:

– На этот раз он задержался... слишком.

Глава 9

На стол опустилась миска с высокими краями, пахнет вкусно, я зачерпнул деревянной ложкой, горячий суп приятно обжег рот и прокатился в глотку. Желудок наконец затих и занялся своим делом. Я хлебал суп, прикусывал свежим хлебом, на столе появилось и мясо, а когда мясо, это еще не крайняя бедность, хотя и богатством здесь не пахнет. Скорее разрушением, как в умирающей дворянской усадьбе.

– Чем занимается муж?

– Торговыми делами, – ответила она не задумываясь.

– Купец?

– Нет, – сказала она в некотором затруднении, – он мне долго объяснял, но я не все поняла. У них очень сложно, в торговых делах много людей: одни перевозят товары, другие продают, третьи хранят на складах, четвертые ищут выгодные сделки... Он как раз искал, потому все время в отъездах.

Я пробормотал:

– А с виду... гм... человек семейный, домашний.

Она оживилась, глаза заблестели.

– Да, он очень семейный! Всегда с таким удовольствием возвращался. И всегда говорил, что нет на свете места лучше, чем родной дом и родная семья. В последний раз обещал, что как только завершит эту сделку, то оседет и будет заниматься только садом. А то насадить насадил, а за ним уход тоже нужен...

– Да, – согласился я, – ужас, как все запущено.

После супа был каплун с салатом, налим тушеный и великолепный пирог с черникой. Я в самом деле ощутил голод, хотя намеревался после сытного завтрака лишь пощипать, как принято у аристократов, чуточку одного, чуточку другого, а все прочее, дескать, унесите слугам, но разохотился так, что сожрал все, даже тонкие косточки молодого каплуна схрумал, как пес, оставив только заостренные осколки не крупнее спички.

Она счастливо хлопотала у стола, очень довольная, что может кормить мужчину, это первая женская обязанность – накормить, хорошо накормить, я допил чай из душистых трав и прямо посмотрел на хозяйку.

– Счастлив тот, кому удалось уговорить вас выйти за него замуж. Мне кажется, такой дом мог выстроить только счастливый человек...

– Не знаю, – ответила она со вздохом. – Иногда он выглядел очень счастливым. Но не всегда... Он очень любил это место. Я сперва не понимала, смеялась над его прихотью поселиться у моря. Для нас, уроженцев степи, здесь не совсем... уютно.

– А потом?

Она вздохнула:

– Потом я ощутила нечто... Здесь свое очарование, совсем не то, что в наших степных просторах. Видите наш сад? Там больше тысячи деревьев, я даже не знаю, сколько на самом деле... но если в степи разнообразия лучше не искать, то здесь чуть ли не каждое дерево дает свои плоды. Не такие, как на соседнем. Правда...

– Что?

Она вздохнула снова:

– Я бы все оставила и поселилась в другом городе, тихом и спокойном, если бы могла... Мне никогда не нравилось, когда море так близко. Но муж обожает, если море рядом.

Я отводил взгляд, язык не поворачивается брякнуть, что муж не вернется. Оттуда не возвращаются.

– Госпожа Амелия...

Она поспешно кивнула:

– Можно просто Амелия, ваша милость.

– Хорошо, – согласился я, – просто Амелия... Мой корабль будет готов к отплытию не раньше, чем через неделю. Все это время придется торчать в этом, как вы говорите, очаровательном городе. В гостинице готовят неплохо, но там слишком шумно. Я не люблю вскакивать среди ночи от того, что под окнами очередная драка. Дрались бы молча, а то... Словом, у вас мне понравилось. Я предпочел бы остановиться в таком тихом доме. И еще мне чудится, вы даже готовите намного лучше, чем в гостинице. В цене, думаю, сойдемся...

В подтверждение я бросил на стол пару золотых монет. Ее глаза округлились, на блестящие желтые кружки смотрела неотрывно. Я сохранял вид толстого и богатого, наконец она сказала с неуверенностью:

– Не знаю, удобно ли это...

– Вы просто сдаете комнату, – сказал я. – У вас их достаточно. Я плачу за чистую комнату, постель с чистыми простынями и хорошую домашнюю еду. Разве не останавливаются знатные люди у своих друзей, предпочитая их общество гостиничному люду?

Она в нерешительности кивнула:

– Да, но знатные у знатных...

Я прервал:

– Знатные останавливаются не у знатных, а там, где удобнее. Обычно у знатных условия лучше, потому их и предпочитают. Но у меня в этом городе друзей нет, даже знакомых нет. Зато вижу, что у вас чисто, уютно, а обед очень хорош. Все, без возражений! Я занимаю у вас лучшую комнату. Ну, которая для гостей. Кстати, возьмите еще пару монет. Купите на рынке лучших продуктов.

Она возразила:

– Ваша милость, здесь слишком много!..

Я отмахнулся:

– Ну что вы все спорите? Женщина должна быть мягкой и пушистой.

Она упрямо покачала головой:

– Я куплю из тех денег, что вы уже дали. А эти заберите. Даже знатные люди в золоте всегда нуждаются.

– Только не я, – светло ответил я и улыбнулся, я ведь в самом деле богат, хотя никогда об этом не задумывался. – Я как раз не нуждаюсь.

– Почему? – спросила она в удивлении.

Я пожал плечами:

– Человек без амбиций. Не набираю армий, не строю поместий и замков, не держу богатых любовниц. Все, что мне надо, это чистая комната, чистая постель и хорошая еда... о чем мы уже договорились! Вы пока приберите мою комнату, а я пройду по городу.

Я был уже у двери, когда она сказала мне в спину:

– Сеньор...

Голос звучал странно, я оглянулся, она смотрела мне в глаза с немой надеждой и ожиданием.

– Сеньор... вы очень добры к нам.

Похоже, хотела сказать что-то другое, но смогла только вот так, я отмахнулся:

– Да пустяки.

Она не сводила с меня напряженного взгляда:

– Сеньор...

– Да?

– Почему вы так добры к нам?

Я улыбнулся как можно беспечнее:

– Долг рыцаря – защищать женщин.

Ее веки не дрогнули, продолжала рассматривать меня пристально и настороженно.

– Когда благородные рыцари произносят слово «женщины», подразумевают благородных дам. Простолюдинки для них... не совсем женщины, которых обязаны защищать. А вы защитили меня уже второй раз.

Я поморщился, никому не нравится, когда замечают то, что хочешь скрыть, ответил с графской небрежностью:

– А почему благородному рыцарю не защитить одинокую женщину? Особенно если подворачивается повод дать оплеуху не просто так, а за правое дело?

Она произнесла медленно, как мне почудилось, все же с некоторым разочарованием:

– Так это просто совпадение?

– Конечно, – заверил я. – Через неделю я буду далеко-далеко от этого города. А единственными спутниками будут вечно пьяные моряки и рыба за бортом корабля... Говорят, еще там морские дивы с вот такой грудью и рыбьими хвостами.

Я улыбнулся ей снисходительно-покровительственно, она в ответ улыбнулась тоже, мягко и по-женски, у нее хоть и нет хвоста, но вот грудь на месте, морские дивы позавидуют.

– Как скажете, сеньор...

Уже возле дверей я повернулся и хлопнул себя по лбу:

– Ах да! Еще со мной будут два моих верных спутника.

Она вскинула брови.

– Для них тоже приготовить комнаты?

Я покачал головой.

– Не стоит, пожалуй. Один предпочтет спать у моей постели, вот такие у него причуды, а второй и вовсе предпочитает конюшню, где хорошо и вкусно пахнет сеном.

Она поняла, заулыбалась. Я кивнул и вышел, на крыльце задержался, давая глазам привыкнуть к яркому солнцу, что бьет прямо в лицо.

Из левой стороны сада донесся быстро приближающийся конский топот. Судя по грохоту копыт, сюда мчится целый отряд, я насторожился, сделал шаг назад, упершись спиной в дверь. За деревьями замелькали всадники, их человек десять, нещадно топчут кусты малины и смородины, прут напрямик, уверенные, наглые.

Мне показалось, что скачут так уже не первый раз, вон поломанные не сегодня кусты, я велел себе не трусить, спустился с последней ступеньки на землю. Умнее бы отступить с дороги, но злое чувство заставило обнажить меч и выйти навстречу.

Передний всадник очень уж не понравился: могучий мужик с квадратным рассерженным лицом, отсутствие шеи, голова сидит прямо на плечах, руки толстые и мускулистые. Взмыленные кони храпят и роняют грязно-желтую пену с удил.

Передний придержал коня, я играл обнаженным мечом, пуская ему солнечные зайчики в глаза. Он прищурился, рявкнул зло:

– Ты кто такой?

– Тот, – ответил я, – кто здесь по приглашению хозяйки. А кто вы, что вторглись в частные владения?

Он фыркнул, оглядел меня с высоты седла, как никчемную букашку.

– Ты понимаешь, что бормочешь? Нас девять человек!

– Да хоть тысяча, – ответил я. – Это частное владение. Разве закон не запрещает вторгаться?

За спиной начали похохотывать и рассматривать меня с тем интересом, как в другое время и в другом месте рассматривали Дон Кихота на его Росинанте и с тазиком на голове. Вожак прорычал раздраженно:

– Я – Вильд, старший сын самого Бриклайта! И потому ездю там, где изволю!

– Вот как? – поинтересовался я. – Ты так едешь и через земли членов городской управы? Или только через земли беспомощной женщины?

Он побагровел, глаза метнули молнии, но спутники умолкли, посматривали на меня чуть ли не с сочувствием. Я поиграл мечом снова.

– Знаете что, – сказал я. – Не будем нагнетать... Скажем, я вас предупредил. Сейчас отпускаю даже без штрафа. Но в следующий раз, если поедете вот так, я сумею...

Один из-за спины босса сказал почти благожелательно:

– Парень, закон занимается важными делами. А с такой мелочью мы управимся и сами.

– Хорошо, – ответил я уступчиво и сошел в сторонку с тропки. – Думаю, я тоже сумею управиться... помогая закону, понятно.

Оба расхохотались, как удачной шутке, уже собирались унести, настегивая коней, но Вильд придержал коня и сказал люто:

– Смотри, чужак! Ты мне очень не нравишься. Я могу тебе просто свернуть шею.

– Убрать меч? – спросил я. – Уберу. А ты слезай, посмотрим. Я обещаю переломать тебе только руки и ноги. Я добрее.

Он поколебался, хоть он и на коне, но видно же, что я почти на голову выше, сухого жилистого мяса на мне больше. И хотя он привык ломиться сквозь препятствия, как лось через кусты, но не дурак, сообразил, что дам хороший отпор. В другой раз бы и рискнул выместить на мне всю злость, но только не на глазах своих людей, а то вдруг в самом деле окажется бит.

Он процедил наконец:

– Ты чересчур... дурак. Мы будем ездить, где и ездим. Но тебя в другой раз предупредить не стану.

– Я вас тоже предупредил, – сказал я мирно. – Езжайте. И передайте всем, что отныне сад закрыт для посторонних.

Они унесли, в ту сторону, в какую и направлялись, а я смотрю им вслед, меч все еще в руке, но во рту горечь и запоздалое раскаяние. Ну какого хрена задрался еще и с этим? Видно же, что этот Вильд, как он назвался, – подлый человек. Не столько даже подлый, это я так, перегнул, но не привыкший отступать, а я заставил отступить перед лицом его команды. И хотя с дороги ушел вроде бы я, дал им проехать, но бросил ему вызов, даже предложил схватку, а он... отказался, чего простить мне уже не сможет.

Такие вот приходят на новые земли, убегая от несправедливости баронов, быстро обустроиваются на новом месте, споры с такими же переселенцами решают кулаками да дубинками, до убийства доходит редко, но постепенно одни богатеют и набирают мощь, другие остаются на том же уровне, а третьи нищают, разоряются. Этому Вильду... нет, его отцу Бриклайту, о котором он сказал с такой гордостью, удалось с землей, домом, скотом и хозяйством, сам уверовал в свою непогрешимость и непобедимость, вот теперь и сынок ломится, не обращая внимания на препятствия.

Ни на те, которые ломать надо, ни на те, которые ломать... нехорошо.

Глава 10

Первые поселенцы спускались к морю через могучий лес, упирающийся вершинами в небо, потом протоптали тропку. На дома рубили лес, понятно, с краю, тем самым отвоевывая пространство. Прошло два поколения, и уже на месте леса, спускавшегося прямо к воде, – поля с гречкой, рожью и пшеницей, овсом.

На диво хорошо прижились сады: ветки гнутся и трещат под тяжестью краснощеких яблок, медовых груш, слив размером почти с кулак. Прижились абрикосы и персики, апельсины, их охотно скупали оптом и развозили в другие города и земли королевства.

Я вновь окинул взглядом огромный сад, захвативший огромное пространство от леса и до полоски воды, любовался широкой аллеей... когда-то широкой, а сейчас с двух сторон теснят хищные заросли малины, ее корни умеют взламывать даже самую утоптанную землю.

Между деревьями вымахала крапива, чересчур быстро разрастается сирень, терновник. Как и везде, культурные деревья отступают под натиском тех, которые прижились среди них, а сирень и малина так и остались дикими, да вон еще крыжовник победно захватывает пространство, не позволяя в своих колючих зарослях пробиться даже чертополоху.

И все-таки сад все еще дает богатейший урожай. Пусть не тот, что при живом хозяине, но все равно для Амелии, как видно, хватает собранного, чтобы содержать дом, покупать одежду и обувь.

Сад остался далеко за спиной, я медленно брел вдоль домов, неспешно погружаясь в атмосферу города. Во всех книгах и фильмах о Средневековье, что прошли через мои руки, везде узкие улочки, на которых не разъедутся две телеги, а меня как раз поражает и умиляет, что большинство горожан не просто держат коров, коз, свиней и пернатую живность, но работают на полях и огородах за стенами города. Более того, в самих городах обычно располагаются обширные поля и луга, где пасется скот, так что любой город агромаден, если судить о нем по периметру городской стены.

Правда, этот Тараскон как раз бурно застраивается. И пусть простенькими одноэтажными домиками, но эти домики теснят луга в центре города, новые поселенцы активно включаются в бурную городскую жизнь... Во главе города встали явно очень активные сволочи, но я и раньше знал, что мафия более эффективна в управлении, чем чиновники.

На ближайшем перекрестке бродячие артисты устроили представление: жонглеры бросают в воздух сразу по три-четыре дубинки, народ ахает и хлопает в ладоши непрерывному сверкающему в воздухе ожерелью. Музыканты остервенело дуют в трубы и бьют в жестяные тарелки, а очень вызывающе одетая женщина зажигает в искрометном танце.

Я любовался малость: в самом деле ей нравится вот так показывать длинные красивые ноги, в то время как остальные женщины вынуждены прятать их под юбками до земли, нравится сверкать улыбкой и обнаженными до плеч руками, что с церковной точки зрения тоже недопустимо, как и трясти гривой черных как смоль волос: волосы женщины должны быть укрыты платком, а без него женщина считается распущенной и порочной.

А вот ей ничуть не в лом, что распущенная и порочная, даже хвастается этим в танце, выставляя вызывающе то грудь, то плечи, вихляя бедрами и оттопыривая задницу.

Не успела стихнуть за спиной музыка, как начала перекрывать другая: на другом перекрестке такая же группа, только здесь пляшут уже две женщины, еще раскованнее, еще эротичнее, можно сказать, хотя такого слова еще нет, а музыканты вообще озверели: дудят, звенят, звякают, приплясывают сами, и вот уже в толпе притопывают задними конечностями, пока ловкие ребята срезают у них кошельки...

Дальше я встречал еще группы жонглеров, фокусников, метателей ножей, двери питейных заведений распахнуты, чувство всеобщего веселья начало захлестывать и меня, уже начал

улыбаться в ответ на заигрывание красоток на улице, не все же из них профессионалки, есть и любительницы, мясо и здесь жарят прямо на улице: где на вертелах, где на огромных сковородах, мальчишки бегают по улице с кувшинами колодезной воды, сгибаются под бурдюками вина.

Город начинает нравиться... нет, не то слово, он понравился сразу. Даже та стычка с уличными хулиганами не слишком испортила впечатление. Вот эта раскованность, свобода – это что-то. Да и вообще здорово, когда народ веселится, а не ходит угрюмый в заботах, где бы добыть кусок хлеба на пропитание.

И если бы не ощущение, что Адальберт тоже здесь, что взамен волшебной чаши он в здешних лавках в состоянии отыскать что-то и поопаснее...

Очень часто попадают лавки, торгующие древними вещами. Все их принято считать волшебными, колдовскими. Я начал присматриваться, наткнулся на человека, что загородил дорогу и стоит, как столб, задрав голову кверху.

Я собрался отпихнуть, но он, не глядя на меня, сказал с благоговейным испугом:

– Этого еще не хватало!

С запада быстро наползает угольно-черная туча, под ней прогибается и опускается глуповато-синее небо, как будто по тонкому льду мчится огромный вездеход, спеша успеть переключиться на другой берег. Даже на таком расстоянии видно, что туча именно мчится, несется, а не наползает величаво и медлительно. Чувствуется, что в ее недрах сотни тонн ледяной воды, да какое там сотни – миллионы! – и непонятно как все это держится там, но понятно, что непрочная ткань прорвется и вся масса воды с грохотом и шумом обрушится на беззащитный город.

– Прячьте товар! – прокричал кто-то. – Закрывайте окна и двери, а то побьет все...

Другой голос проорал возмущенно:

– Куда городской совет смотрит?

Мне послышалось нашенское «За что я плачу налоги?», но народ поспешно утаскивал разложенные товары с улицы в дома. На залитую солнцем улицу пала черная тень и понеслась, прыгая по домам, погашая блеск окон и зачерняя белые стены.

Кто-то схватил ослика под уздцы и потащил его вдоль по улице подальше от моря. Я все понимал, видел, как однажды такая же туча обрушила океан ревущей воды, мгновенно затопила улицы и нижние этажи домов, с таким же торжествующим ревом понеслась бурными грязными потоками вниз, утащила вместе с мусором несколько небрежно припаркованных... гм, телег и благополучно утопила их в море.

Местные сочувствовали приезжим, те всегда страдают больше всего, но в сочувствии проклеывалась некая гордость за свой неистовый ливень, за дикую грозу, за ослепляющие удары молний и жуткий грохот, от которого трясется и подрагивает земля, как испуганный молодой конь.

Двое-трое из наиболее солидных горожан суетились не шибко, часто останавливались и посматривали на тучу, один наконец сказал с мрачным удовлетворением:

– Успели...

– Думаешь, не сразу увидели? – спросил второй.

– Да... По-умному надо бы стороной пустить... А то вдруг да выронит воду.

Второй покачал головой.

– А вдруг совет хотел показать, насколько он силен? Мол, через весь город, и ни одной капли!

Первый хохотнул:

– Скорее, этот Бриклайт забавляется. Хотелось посмотреть, как народ засуетится.

– Ну, он же серьезный человек! А это какое-то мальчишество...

– Знаете ли, для кого-то просто веселье – посмотреть, как весь город пугается...

Он заметил, что я прислушиваюсь, улыбнулся, человек с улыбкой нравится всем, потому выгоднее улыбаться, чем хмуриться.

– Впервые такое видите?

– Впервые, – признался я.

– То-то...

– Такая мощь!

– У нас еще не то увидите, – заверил он.

Туча остановилась над городом, задевая брюхом верхушки башен. От нее пахло холодом океанских глубин, я ощутил миллионы тонн воды, содрогнулся, представив, как вся эта масса рухнет на такие непрочные домики.

– А разве такое возможно?

Горожане, не отвечая, с беспокойством смотрели на тучу, а та опустилась еще ниже, потемнело, в недрах грозно вспыхивает багровым, затем сдвинулась и медленно поплыла дальше.

Оба с облегчением перевели дух, один сказал с неудовольствием:

– Я не знаю, зачем он это делает!

– Показывает силу...

– Но это уже слишком. Мне это не нравится.

– Мне тоже, – признался второй, – но эта сила служит городу. Так что наши деньги потрачены не зря. Такой ливень переломал бы половину лавок и перепортил бы товар.

Я кашлянул, спросил льстиво:

– Вы сказали Бриклайт... Это местный маг?

Они переглянулись, первый сказал с видом полного превосходства:

– Берите выше. Это заместитель главы городского совета.

– Это он... тучу?

Горожанин расхохотался, засмеялся второй. Я виновато развел руками, все понятно, главе городского совета подчинены и все местные маги.

– А Вильд, – сказал я, – он тоже в городском совете?

Они переглянулись, первый поморщился:

– Думаю, господину Вильду это и не нужно. Он и так полный хозяин почти трети города. Здесь полно гостиниц и постоялых дворов, как и просто трактиров... в каждом теперь по комнате, где наготове продажные женщины...

Он говорил осуждающе, но глазки заблестели, второй тоже сказал голосом оскорбленного достоинства:

– К сожалению, в этих тавернах можно попробовать запретные по всей стране снадобья... Не знаю, почему король не запретит это все...

– Я бы запретил, – сказал первый. – Мы что, а вот дети...

– Да-да, – подхватил второй, – именно ради них нужно хотя бы ограничить...

Они откланялись, я тоже поклонился, и оба удалились, чинно беседуя. Мне показалось, что направились как раз к одному из таких трактиров, где и женщины вполне доступные, и всякие там запретные травки.

Я перевел дух. Мага такой мощи еще не встречал, чтобы тучу над городом, не проронив ни капли. Наверняка образовалась сама по себе, но маг перехватил на подходе, сумел удержать в ней воду, а там за городом пусть делает что хочет...

В руках жонглеров снова замелькали разноцветные дубинки, зазвучала музыка, а я пошел вдоль лавок, с понятной жадностью заглядывая в те, где написано «Магия». Конечно, почти все здесь, что продается как волшебное – обычные безделушки, но раз уж их добыли из руин старых городов, за ними цепляется титул магических.

По городам и даже по королевствам то и дело прокатывается слух про очередного крестьянина, что прямо на огороде выкопал древнюю вещь, исполняющую любые желания. Он начал хотеть сперва всех соседских баб, ну это понятно, все мы такие, это дело у нас на первом месте, потом восхотел богатства и тут же получил, затем расхрабрился до того, что стал королем. Или вон тот, что тоже случайно отыскал магическую штуку, она ему тоже натаскала и драгоценных алмазов, и золотых слитков и сундуки с золотыми монетами, а потом он восхотел стать кем-то таким, что сам не сумел справиться, и сгинул в одночасье, и волшебная штука не спасет, если не знаешь, оттуда ждать удара в спину...

При таких рассказах у всех глаза горят, слюни текут, каждый уже примеряет, что он сделает и как поступит, чтобы по-умному распорядиться магической мощью. Уж он-то глупостей не наделает, а будет пользоваться неспешно, скрытно, а всех баб и сундуки с золотом получит тайно, так что никто и не догадается, что с помощью магии... А потом и королем станет без спешки, а медленно и осмотрительно...

Уже вечер, но распахнуты двери не только трактиров и борделей, но и всякого рода торговых лавок. Я переходил из одной в другую, в одной засмотрелся на пару старинных с виду книг, спросил у хозяина:

– Неужели эти книги никто не хочет купить?

Он ухмыльнулся:

– Как не хотят? Многие хотят. Но одних отпугивает цена, других... гм, недостаточная квалификация, так сказать. А вы интересуетесь? Вам я продам недорого, ибо, судя по платью, вы человек умный и благородный.

Я кивнул:

– Да, я само совершенство. Добавь еще и щедрый, чтобы я постеснялся торговаться.

Он покачал головой, в глазах укоризна.

– Да разве я посмею сомневаться в вашей щедрости?

– Что в книгах? – спросил я.

Он посмотрел с недоумением.

– Ваша милость... купите, узнаете.

Я удивился:

– А ты не знаешь?

– Нет, – ответил он, и я видел по его лицу, что не врет.

– А как же продаешь?

Он всмотрелся внимательнее.

– Э-э, ваша милость, издавека вы прибыли, если не знаете таких простых вещей. Кто же рискнет открывать такие книги... если не готов? Я простой купец, с магией незнаком. Ну разве что с самой простой. Я не рискну открывать такие книги ни за какие сокровища!

Книги выглядят безобидными толстыми фолиантами, не слишком древними. Даже переплеты не из латуни или меди, а из простого дерева, из-за чего и возникло старое выражение «прочсть от доски до доски». Но я вспомнил жутковатые рассказы о сборниках заклятий, на которые маги накладывали особые защитные чары. Несведущий, начав произносить вслух любое из заклинаний, превращался в жабу или же попросту умирал мучительной смертью. Некоторые книги вообще нельзя раскрывать, иначе сразу смерть, порой причудливая, а иные для вида прикрыты слабенькими заклятиями, а когда обрадованный маг их снимет и начинает разбирать тайнопись прежнего владельца, тут его и настигает настоящая кара...

Хозяин лавки следил за мной понимающими глазами.

– Вижу, – произнес он, – вы поняли.

– Понял, – вздохнул я. – И хотя не побоюсь открыть такую книгу, я же благородный человек, а нам нельзя быть трусами... но я же неграмотный, как и надлежит благородному. Так что ладно... А что это у тебя там на полке?

Он повернулся, проследив за мои взглядом.

– Эта?

– Нет, левее.

– Эта?

– Нет, – повторил я. – Ты ее задвинул вон за ту стопку. От кого-то прячешь?

Он с неохотой вытащил томик.

– Его мне сегодня принесли. Я еще не успел посмотреть и оценить.

Глава 11

На ладони книга показалась непривычно легкой, я ж помню вес книжных фолиантов. То же самое, что поднимаешь колоду из плотного дерева. Переплет обтянут кожей, если это кожа, а страницы... гм, явно не бумага, не бумага. Я слышал, что она бывает еще какая-то веленевая, тряпичная, глянцевая, но это больше похожа на пергамент, хотя и не пергамент, как и не папирус. Китайские книги древности вроде бы писали или переписывали на страницы из шелка, но это и не шелк...

Волосы зашевелились от странного узнавания, что-то ближе к синтетике, но выше, современнее, технологичнее, однако же само понятие книги устаревало в мое время, пошел переход на электронные носители, а здесь настоящие книги, массивные и неуклюжие, как будто в продвинутом мире кто-то начал на сверхсовременном оборудовании изготавливать лапти, коромысла, деревянные ложки и хомуты.

Хозяин следил за мной с интересом.

– Уже встречали такие?

– Нет...

– А я уж подумал... У вас такое лицо!

Я пробормотал:

– Да просто не понимаю, почему такой шум вокруг этих книг. Подумаешь, книги! Вот мечи бы отыскивали какие волшебные...

В его лице что-то неуловимо изменилось, вроде бы и улыбается по-прежнему профессионально открыто и честно, но смотрит как на богатого дурака.

Выйдя из книжной лавки обратил внимание на то, что можно заметить, только выйдя именно из книжной.

Пьяных гуляк на улице, как будто весь город упился до положения риз. Одни по двое-трое, другие разгуливают в обнимку и орут непристойные песни, третьи ищут приключений в одиночку. В одном месте драка, в другом явно дворяне сражаются на мечах, но как-то лениво и напоказ, кровью не кончится, а за такими даже наблюдать неинтересно. Помиряются и пойдут в ближайший трактир праздновать примирение и вечную дружбу.

Задорно цокая подковами, то и дело проносятся извозчики, пассажиры, как водится, пьяные, платят щедро. Молодежь разгуливает большими ватагами, орут веселые песни, свистят и безобразничают, нагло и задиристо поглядывают по сторонам, с кем бы подраться, но так, чтобы вдесятером на одного... Ну это знакомо, шпана и в Тарасконе – шпана.

Время от времени ко мне начинали приглядываться сомнительного вида мужички. Дважды даже подкрадывались сзади, но я замедлял шаг и опускал ладонь на эфес меча, шаги тут же начинали удаляться. Надеюсь, походка у меня по-прежнему трезвая, а чего с такими связываться, когда полно вдрабадан пьяных.

Мелькнула мысль, что стоило бы купить книгу, но сам себя взял за горло и напомнил, что я еще не разобрался с теми заклинаниями, которые вычитал у мага Уэстефорда, откуда у меня столько жадности: гребу и гребу, пора бы уже сесть и понять, что нагреб. А то нечаянно и гранату можно загрести...

– А вдруг там всего лишь кулинарные рецепты, – сказал себе в утешение. – Все может быть. Кулинарные чаще всего издаются в роскошных фолиантах.

Вступая в разговоры на рынке, узнал, что в Тарасконе не случайно идут такие интенсивные раскопки. Вернее, не в самом Тарасконе, а малость восточнее, где располагался прежний город. По нему не шарахнуло во время последней Великой Войны Магов никаким оружием только потому, что в самом начале военных действий огромная волна пришла из океана и

накрыла все прибрежные города вместе с его обитателями. А отхлынула только тогда, когда война уже закончилась...

Но если другие города и крупные поселения на континенте выжигались на сотни футов в глубину, то здесь бомбить вроде было нечего и некого, так что уцелело все, что ниже фундамента. Правда, большинство пришло в негодность: что-то от воды, что-то от времени, но раскопщики отыскивают все еще очень-очень много странных вещей, которые за глаза принято именовать магическими.

Закатное солнце блистает торжественно и страшно, на него больно смотреть. Крыши горят кипящим золотом. Искрится и сверкает все, что из металла, даже самое тусклое начинает сыпать колючими искрами. Огромное солнце повергает в прах пышность земных королей несказанным величием, а затем вот так, выказав звездную мощь, превращается на моих глазах в плоский малиновый диск и медленно опускается за городскую стену.

Небо все еще грозно сияло, но на город опустилась полутьма, нежная и трепетная, в такой трудно вообразить зловещих летучих мышей, а только крохотных эльфов и сильфид.

Я все еще переходил из лавки в лавку, рассматривал, старательно задействовал все свои мыслительные способности, но я не академик, к мышлению не привык, оно у меня рвано-хаотическое: понимаю кусочками и тут же перепрыгиваю на другое. Ни на чем сосредоточиться надолго не могу, и если сразу не врубаюсь, то мозг буксует, как «жигуль» в снегопад, и требует переключиться на что-то попроще.

Там, где я слишком долго рылся в находках, вызывая глухое раздражение хозяев лавки, приходилось покупать какую-нибудь безделушку. Набил ими карманы, истратив почти все золото. У ближайшего ювелира продал горсть бриллиантов, остальные камешки оставил зашитыми в седле. Но если траты пойдут такими темпами, придется идти с «копалкой» на охоту...

На город опустилась светлая лунная ночь, но внизу светло от факелов и светильников перед дверью каждого дома, не говоря уже о кострах на перекрестках и площадях.

Оглядевшись, я остановил одного из горожан, показавшегося немолодым и степенным.

– Подскажите приезжему, здесь вообще-то церковь есть?

Он вскинул бровь:

– Церковь?

– Ну да, церковь, храм, костел, кирха...

Он хмыкнул:

– Впервые вижу человека, которому срочно понадобилась церковь. Похвально, похвально... Это совсем близко! Видите квартал? Вот прямо и прямо...

Я поблагодарил, раскланялся, зачем-то сказал, что церковь вообще-то мне на хрен не нужна, но это же обычно самое красивое здание в городе, а мне как приезжему...

Горожанин понимающе оскалился, на церковь в самом деле лучше смотреть снаружи, это красиво, а внутрь заходить лучше совсем в другие дома, их здесь много, и женщины там обслуживают с азартом и удовольствием...

Мы снова раскланялись, мы же мужчины, я отправился в указанном направлении. Этот квартал зачем-то обнесли глухой стеной, а в воротах – целая группа стражей. Правда, не профи, сразу видно дежурных из местного ополчения. Ребята крепкие, а оружие хоть и разномастное, но в таких вот местах, где нужен и дальний удар копьем, и режущий мечом, и завершающий удар топора – это все выглядит продуманно и вполне профессионально.

К моему удивлению, меня ни о чем не спросили, только окинули очень внимательными взглядами. Видимо, здесь защищаются от кого-то определенного. Например, от парней из квартала справа или квартала слева. Как известно, самые гадкие люди на свете – соседи, а самые лучшие живут на другом конце континента, с теми никогда никаких споров.

Дома выстроены в иной манере, но не сказал бы, что другим народом или другой расой. А как если бы отдельно поселились католики среди православных или бретонцы среди фламандцев. Крохотные и почти незаметные отличия, а так те же тесные улочки, между домами протянуты веревки, вода с плохо отжатого белья капает на головы прохожим. Крыши высокие, даже стрельчатые, по углам каждого дома настоящая водосточная труба, зев направлен в бочку. Видимо, дождевую воду предписано собирать из соображений пожарной, вернее, противопожарной безопасности.

На перекрестках статуи, встретился даже небольшой скверик. По ту сторону разглядел небольшое скромное здание, присмотрелся, не веря глазам, ахнул и ускорил шаг.

Церковь, настоящая церковь, но до чего же крохотная, не церковь, а по виду больше смахивает на часовню.

Дверь жутко закрипела, я вошел в полутемную комнату, от аналая в мою сторону с некоторым испугом повернулся невысокий плотный человек в темной сутане.

– Здравствуйте, святой отец, – сказал я поспешно. – Я приезжий. Вот поспешил к вам со всех задних ног, дабы услышать слово напутствия.

Он с тяжелым вздохом шагнул навстречу, лицо усталое, под глазами повисли мешки.

– Приезжий?

– Да, святой отец.

– Тогда понятно... Я отец Шкред, сын мой.

– Отец Шкред, – сказал я, – я всего лишь проехал через город, и душа моя уязвлена стала. Что с церковью? В таком городе должна видеться издалека! Почему выстроили такую... крохотульку?

Он ответил грустно:

– Строили первые поселенцы.

– И что?

– Их было сорок человек, – объяснил он. – Им вполне хватало.

Его глаза цепко и настороженно всматривались в меня, такого непривычного прихожанина, на определенном этапе в церковь начинают ходить не рыцари, а убогие старушки, нищие и юродивые.

Чтобы ему не мешать, я бросил взгляд на своды и стены. Да, для сорока еще как хватало. Даже больше чем. Строили с расчетом, чтобы хватило и детям. Может быть, даже внукам, хотя тем уже будет тесновато. Но вряд ли могли тогда предположить, что народу нахлынет масса... хотя и предположив такое, вряд ли стали бы строить Кельнский собор. В конце концов, большой и красивый храм должен строить большой город. Сам строить, а не прожирать накопления предыдущего поколения.

Помещение церкви – просто одна четырехугольная комната. В дальнем углу отгороженная кабинка для исповедальни, в стенах справа и слева неглубокие ниши. В них каменные фигуры святых: один с воздетым над головой крестом, у второго крест в опущенной руке, и держит его так, словно встречает врага направленным в его сторону острием меча.

– Сын мой, – произнес отец Шкред наконец с непонятной осторожностью, – твоя душа уязвлена видом церкви или... города?

– А что с городом? – удивился я. – Город цветет и пахнет!

– Чем пахнет? – спросил он грустно. – Гнилью и запустением душ. Но это замечается не сразу.

– Запустение? – переспросил я. – Да жизнь бьет ключом! И не всегда – по голове.

– Да, – согласился он, – такая жизнь бьет по душе.

– Но души вы спасаете?

Священник развел руками.

– Что я могу сделать? Даже души спасать в таком городе... почти непосильно. Я делаю что могу, но человек слаб, а против таких мощных соблазнов, что поселились в городе, устоять трудно. Когда-то это был чистый спокойный город, а сейчас на каждой улице по две-три пивных, на каждом углу – притон, дьявольский вертеп с продажными девками! Когда все начиналось, там тешили плоть моряки, которые в дальних походах истосковались по женщинам, а теперь туда преспокойно ходят и добропорядочные горожане! Некоторые уже и не очень-то таятся. Ни от церкви, ни от жен.

Он видел по моему лицу, что меня это волнует мало, есть дома терпимости – ну и пусть, что тут такого, я и не то видал. Лицо патера побледнело, в глазах отчаяние и безмолвная мольба.

Я вспомнил о красивом рыцарском замке на скале.

– А что благородный сэр Дюренгард, если я правильно расслышал его имя на рынке? Столь известный как в славных битвах, так и великими добродетелями?

Священник покачал головой:

– А что ему? Денег к нему течет все больше. Он даже не догадывается, что уже во всем отстранен от управления городом. По большей части он либо в столице, либо в походах. Сами горожане в целом довольны: город по достатку быстро обогнал все соседние, у нас простой горожанин одет богаче, чем вельможа у соседей.

Я кивнул:

– А отцы города, этот ваш совет, естественно, самые богатые люди города?

– Да, – ответил он печально, – они и были ими, когда создавался городской совет. А теперь намного богаче, это естественно.

– Понятно, – согласился и я, – как такое не понять. Деньги – это власть, а власть – это деньги. Еще большие. Кстати, в порту проститутки на каждом углу, тоже понятно. Но я заметил, что ночью начинают выходить и на улицы самого города...

– Ночью? – переспросил он горько. – Да уже с вечера выходят! Если раньше Бриклайту с трудом удавалось открыть первый притон, не мог набрать туда женщин, то теперь отбою нет! Сами приходят, а те, кому не удастся попасть в сам дом... туда уже отбирают самых лучших, представляете?... промышляют на свой страх и риск на улицах, в подворотнях...

– А горожане?

– Даже те, кто морщит нос, – ответил патер с горечью, – не хотят ничего менять. Их души опутал золотыми сетями дьявол. А Совет города убеждает, что главное в жизни человека – иметь золото в кошельке. Будет золото – будут и все блага. Да только забыли...

– Что? – спросил я.

Он взглянул на меня с укором:

– Что помимо благ земных существуют еще и небесные...

– А, – сказал я, – ну да, ну да, как я забыл!

Он вздохнул, в глазах укоризна стала заметнее.

– Духовные блага не купить... но незрелые души этого еще не понимают. Человек рождается несмышленным, быстро старается насладиться всем, что видит, и обычно не успевает достигнуть полного понимания истинных ценностей... увы, жизнь человеческая коротка.

– Коротка, – согласился я и покосился на кинжал на своем поясе. – Да мы ее еще и укорачиваем всеми способами. В городском совете заправляют старейшины цеховиков?

– Уже нет.

– А кто?

– С цеховиков начиналось, – объяснил он, – но город растет еще и за счет порта, морских перевозок. Так что торговцы сперва только присутствовали, а теперь их две трети.

– Торговцы, – сказал я, – тогда понятно...

Он насторожился:

– Что-то о них знаете?

– Да только о нормах прибыли, – уклончиво ответил я. – Что-то из классиков. За какой процент прибыли пойдут на какое преступление, есть точный расчет... основанный на опыте более развитых... или более прогнивших стран, это с какой точки посмотреть. А кто во главе?

Он сказал так же невесело:

– Бриклайт.

– Бриклайт? – повторил я. – Только и всего?.. Ни сэръ, ни лорд, ни фон, а просто Бриклайт?

Он грустно усмехнулся:

– Да. Просто Бриклайт. И никто не знает, откуда он пришел. Не местный в смысле. Он как раз из тех, кто и не ремесленник, и не торговец, а...

– Посредник, – подсказал я, видя, как священник мучительно подыскивает слово. – Потом их назовут дилерами или брокерами, не знаю как точнее, но он ничего не производит, а только что-то для кого-то находит?

– Верно, – сказал священник с благодарностью, но посмотрел на меня настороженно. – Вы очень хорошо разбираетесь в таких вопросах. Откуда вы?

– Издалека, – ответил я. – Но я не враг. Более того, я – паладин.

Он посмотрел с таким недоверием, что я поспешил добавить:

– Я из отряда особого назначения. Паладины тоже бывают разные. Есть для парадов, есть для красивых битв и красивой гибели, а есть для особых дел.

– Каких? – спросил он настороженно.

– Особых, – сказал я с ударением. – Я подчиняюсь напрямую Главному Инквизитору. Да и то не совсем так уж... У меня тоже свобода воли, что меня самого больше пугает, чем радует. Все-таки лучше, когда виноват начальник, он же всегда дурак, а мы всегда умные... О деталях моей работы умолчу, могу лишь заверить, что все мои действия – на благо церкви. В целом, если не цепляться к мелочам.

Даже, добавил про себя, если церковь об этом не подозревает. А ей все на благо. Не даром же в Библии или где-то еще сказано, что все, что делает Господь, он делает на пользу. То ли ему, то ли человеку, то ли инопланетянам, не помню, но это не так уж и важно.

Он перекрестился.

– Я простой священник, мне высшие тайны церкви недоступны.

– Что принадлежит лично Бриклайту? – спросил я. – Вот уж не поверю, что он всего лишь бескорыстно управляет городским советом! Пусть и с поста заместителя главы городского совета! А что сам глава, кстати?

– Спился, – ответил отец Шкред горько. – Достойный был человек, но... слабый. Плоть крепка, дух слаб. Гордится тем, что пьет много и почти не пьянеет, почти не выходит из борделей...

– Ну да, – сказал я понимающе, – плоть крепка... Вот и старается. Не он один попал на такой крючок. А если еще виагры ему подарить... Ладно, с ним ясно. А Бриклайт – торговец, тоже понятно. Легче слепить снежную бабу в аду, чем среди торгашей встретить идеалиста.

Священник сказал с невольным уважением в голосе:

– Вы очень хорошо видите... ситуацию. Откуда вы, сказали?

– Я не сказал, – ответил я с улыбкой. – А скажу, не поверите. Так что лучше сами подскажите, чем он владеет. Возможно, это прояснит ситуацию.

Священник почему-то задумался, развел руками.

– Я больше занимаюсь душами, а не мирскими делами... но я многое знаю о своих прихожанах, однако о Бриклайте – почти ничего. Знаю только, что из ростовщиков он – самый крупный. Еще ему принадлежат два-три дома на центральной улице, один магазин ювелирных вещей, но у других гораздо больше имущества. У него четверо сыновей, старший, Вильд, владеет двенадцатью домами, где мужчин обслуживают продажные женщины, а также большим

участком земли южнее от города... второй, его зовут Рунтир, владеет лавками, где торгуют привозным шелком и другими тканями, третий, Джордж, заправляет солевым промыслом...

Я пробормотал:

– Было у него три сына: двое умный, а третий... тоже не дурак. Вижу, охватили они пау-
чьими лапами весь город. Что делать, это и есть торжество демократии над высшим сословием.

– Четыре, – заметил он.

– Что четыре?

– У Бриклайта четыре сына, – сообщил он невесело, – один другого... да, один другого. Это надежная стена, за которой Бриклайт может обделывать свои дела так, что никто и возра-
зить не осмелится. Четвертый сын, Тегер, самый порочный и растленный. Ему шестнадцать лет, но он уже обошел всех продажных женщин в городе, соблазняет и развращает немногих оставшихся добродетельных женщин...

– Ну еще бы, – согласился я. – В этом возрасте гормоны из ушей прут... Спасибо, отец Шкред!

– Не за что, – ответил он уныло.

– Есть за что, – заверил я. – Информация – ценный товар.

Глава 12

Возвращаться среди ночи как-то неловко, хотя гостиница оплаченная, можно бы и туда, но уже тянет в особняк, однако там одинокая женщина с четырьмя детьми, разбужу, испугаю, а то и подумает невесть что.

У жиденького костра, разведенного по ту сторону стены, сидит в донельзя рваной одежде тощий мужчина, рядом с ним вздрагивает женщина, обхватив себя за плечи. Трое детей спят прямо на земле, четвертый, самый маленький, хнычет у нее на коленях, просит есть.

Я обронил, проходя мимо:

– Покормили бы ребенка.

Мужчина смолчал, женщина отвесила сиплым, словно после долгого плача голосом:

– Мы погорельцы... Корову тролли сожрали, дом сгорел... Еле детей вынесли...

Я остановился, женщина схватила ребенка и принялась укачивать, мужчина оцепенело смотрит в огонь. Короткая ночь кончится, дети проснутся и все захотят есть, а родители впервые не знают, что делать...

Пальцы нащупали монету, я бросил ее на землю перед женщиной и пошел через мост, луна заливаает мир тем странным светом, когда идешь как будто по другой планете: все знакомо и в то же время выглядит как будто видишь впервые. Мост явно сохранился с древнейших времен: каменный, но не угрюмо массивный, а как будто из кружев, выгнут не слишком, словно на него не действуют законы гравитации, но и не прямой: нет необходимости.

В воде отражается подрагивающая луна, абсолютно плоская, колышется, как тряпка на флагштоке...

Впереди у перил что-то шелохнулось, юноша в небедной одежде аккуратно перелезает через перила на ту сторону. Перелезает с осторожностью, обеими руками поддерживает тяжелый камень, привязанный к веревке. Другой конец, понятно, захлестнут петлей на шее.

Он нервно оглянулся на мое приближение, я сказал торопливо:

– Нет-нет, я вам не помешаю! Я уважаю мнение и выбор любого человека. Усомниться, что вы делаете то, что нужно, значило бы оскорбить вас, человека, без сомнения, умного и начитанного...

Он хмуро покосился на меня:

– Почему...

– Начитанного? – переспросил я. – Это же очевидно! С жизнью кончают обычно умные и очень умные люди, а дураки... они как скот. А скот даже не понимает, что жизнь можно оборвать и самому. Потому я вам слова не скажу, ибо все, что вы делаете, делаете осознанно и по своей воле. Никто в городе не сможет подсказать вам, как поступить правильно, это вы сами знаете лучше всех...

Он кивнул, перенес и вторую ногу через перила. Я сказал просительно:

– Кстати... у вас не найдется пары монет? Вам они все равно там не понадобятся.

Он посмотрел на меня отсутствующим взглядом, потом, с трудом поддерживая камень одной рукой, другой пошарил по карманам.

– Есть, – ответил он глухим голосом. – Вот, возьмите. Вы правы, там мне они ни к чему.

На ладони у него блестела целая горка монет. Я замахал руками.

– Нет-нет, вы меня не так поняли! Я не для себя, мне стыдно было бы взять... а вот там – видите костер? – это совсем близко, погорельцы. У них тролли сожрали скот, а дом сгорел, как и все посева. Все, что у них есть, это их драная одежда. Прошу вас, отдайте эти деньги им, для них это будет спасение!

Он протянул мне ладонь с монетками.

– Возьмите и отдайте.

Я отчаянно замотал головой:

– А вдруг вы подумаете, что я взял себе? Мне будет так стыдно, так стыдно!.. И уже не смогу перед вами оправдаться. Ну прошу вас... Отдайте им эти монеты, они вон близко, а потом возвращайтесь! Я посторожу, чтобы камень не тронули.

Он то ли вздохнул, то ли выругался, снял петлю с шеи и, оставив камень на прежнем месте, быстро перелез обратно. Проходя мимо, облил меня взглядом, полным презрения, а я смотрел ему вслед и гадал, что будет дальше.

На мосту простоять пришлось с полчаса. Думаю, что мог бы стоять там и до утра, веревка с камнем осталась невостребованной. Как некоторые чудачки не понимают, что заботиться можно не только о себе, любимом?

До утра я бродил по базару, – а здесь весь город – базар, – как скучающий дворянин, что мается дурью, выискивая какую-нибудь причудливую хрень для себя или своей любовницы. А по сути я и есть он самый, скучающий, надо ждать больше недели, а чем заняться – ума не приложу.

С важным видом проходили повара и кухари, показывали пальцами на кучки моркови, лука, на мясо и рыбу, а следовавшие за ними слуги проворно укладывали товар в корзины. Лавочники угодливо кланялись постоянным покупателям, старались переманить друг у друга, сбивали цены. Тут же отовариваются и простые домохозяйки, эти дольше копаются, старательнее торгуются, берут меньше, но все-таки и они уходят с полными корзинами.

С другого перекрестка доносится гортанное блеянье овец. Там гуртовщики распродают оптом и в розницу целое стадо. Продают настолько дешево, что никто даже не спрашивает, почему дешево, все понятно, торопливо раскупают и угоняют проходными дворами. Тут же шныряют и те, кто слишком плотно прижимается к покупателю, создавая давку, а тот, пока отстраняется, не замечает, что кошелек исчез вместе с давкой.

Стража, проходя по базару из конца в конец, громко топает и стучит окованными железом рукоятями пик в каменную брусчатку. Мол, мы здесь, если надо, кричите. Отцы города, дескать, заботятся о вашей безопасности. Заодно посмотрите, куда идут ваши денежки, собираемые на налоги, это мы – ваши защитники.

На них оглядываются зло и недовольно, никто не любит ни самой власти, ни ее представителей, хотя при малейшей неприятности бросаются к тем же стражам за помощью, что не мешаает за глаза костерить их на все корки.

Луна очень медленно двигается над серебряными крышами, воздух свежеет, я долго не поднимал голову, пока серебряные вершины домов не стали золотыми настолько, что в нещадном блеске потонули окрестные постройки.

Солнце еще не поднялось из-за темной крепостной стены, но зубцы победно горят в красно-желтом огне. Я чувствовал себя настолько переполненным впечатлениями, что они вот-вот начнут выплескиваться из ушей, пора возвращаться.

В дверях одной лавочки стоит, позевывая, человек в длинном халате и широкополой шляпе с высокой остроконечной тульей. За ленту заправлено длинное цветное перо не то павлина, не то гигантского петуха.

– Не желаете ли узнать свою судьбу? – поинтересовался он лениво.

– Кто не желает, – ответил я, – да только если бы ее можно было предсказывать...

Он усмехнулся:

– Что, не сбывается? А если вам будет предсказано, что, если пойдете по вон тому мосту, упадете в воду и утонете... вы все равно пойдете? То-то. А потом еще говорите, что не сбылось. Надо было идти на мост, проверить...

Я посмотрел с интересом, чувствуется, человек образованный, речь и манеры полны благородного достоинства, но без привычного высокомерия лордов и заискивания простолюдинов.

– А что, не ходят?

Он сдержанно улыбнулся:

– Почему же... некоторые решаются проверить. Кто из любопытства, кто из противоречия... Зайдете?

Я кивнул:

– Все равно пора идти спать. Давайте предскажите. Все мы знаем, что жульничество, а все равно попадаемся на тот же крючок...

В комнате чисто и уютно, книг много, но все в шкафу, а на столе одна-единственная, довольно страшноватая с виду, как по размерам, так и по внешнему оформлению. Рядом массивная чернильница с длинным пером, десяток перьев в медном стакане.

Он сразу сел за стол, я со вздохом опустился в кресло напротив, ноги гудят от хождения весь вечер и всю ночь по городу.

– Давайте, – сказал я. – Только где черный кот и летучие мыши на потолочной балке? Непорядок. И халат у вас расписан не должным образом. Должны быть всякие хвостатые звезды... И этими, как их, каббалистическими рунами.

Он взглянул с укором.

– Дорогой лорд, – сказал он церемонно, – а вы ведь лорд, не так ли? Видите, это я уже узрел сразу по вашей исполненной благородства осанке и всеобщему изяществу движений. Дорогой лорд, я не ярмарочный шарлатан, мне эти коты без надобности. Как и дурацкие халаты. У меня старинные карты волшебника Зермана, того самого!

На моем лице ничего не отразилось, он всмотрелся внимательнее:

– Вы о нем, похоже, мало слышали?

– Признаться, – ответил я откровенно, – даже меньше, чем мало.

– Это как?

– Ничего, – заверил я любезно.

Недоверие отразилось на его породистом лице, в его жесте, даже в интонации:

– Так уж и ничего?

– Абсолютно, – подтвердил я.

Он покачал головой, его серые глаза всматривались в меня с непонятным ожиданием.

– Знаете, редко можно встретить человека, не интересующегося предсказаниями, пророчествами, видениями... Все-таки человек жаждет знать, что его ждет. Этим он отличается от зверя. И вообще от животных. И вообще человек ищет в жизни ориентиры.

– Я тоже ищу, – ответил я. – У меня они, правда, уже есть, но я готов сменить, если увижу, что ведут не туда.

Он довольно улыбнулся:

– Вы – гибкий человек.

Породистый, с длинным аристократичным лицом, ему бы в палате лордов заседать, однако и с цыганскими картами в руках выглядит весьма и весьма. Я всматривался в его серьезные глаза, в памяти промелькнули все эти, не смирившиеся, кто устраивает в подвалах замков алхимические лаборатории, ищет философский камень, вечную молодость, способы превращения простого металла в золото, а при этом кто-то всерьез продает душу дьяволу, кто-то полагает, что продает, когда приносит в жертву младенцев и девственниц...

– Какие карты предпочитаете?

– Разве я волен выбирать?

– Только вначале, – успокоил он. – Надо решить, будете ли вы придерживаться только той стороны, за которой церковь, или же предпочтете более свободное поведение...

Я в затруднении пожал плечами:

– Знаете, я не ссорюсь с церковью, но сам предпочитаю свободное поведение. Хотя признаю, что подобная свобода – просто беззаконие. Но я, должен признаться, весьма симпатизирую беззаконию. Анархия – мать порядка!

Он всмотрелся в мое лицо, легкая улыбка скользнула по его губам.

– Но для начала пророчества нужно выбрать одну из сторон. Это обязательно. Чтобы определиться, какими картами играть...

– Ну вы прямо инквизитор, – пробормотал я. – Так вот прямо все и скажи! Но если нужен прямой официальный ответ, то я целиком и полностью на стороне матушки-церкви. И всецело разделяю ее ценности! Ну что, съели?

Он усмехнулся:

– Вы не представляете, насколько ваша декларация противоречит вашим подлинным желаниям.

– Желания надобно смирять, – ответил я назидательно, – ибо почти все желания – от лукавого... который у нас, мужчин, ниже пояса.

Он отодвинул в сторону ларец из слоновой кости, украшенный золотом, опустил ладонь на крышку другого ларца, что из темного дерева.

– Уверены, что хотите гадание на картах из этого ларца?

Я поднялся, прошелся по комнате, Предсказатель поворачивался на лавке, не отрывая от меня взгляда, а я сказал скупающе:

– Дорогой астролог, позвольте напомнить, это вы хотите погадать мне! Очень хотите.

Он слабо улыбнулся:

– Да-да, простите, это я увлекся. Просто карты волшебника дают гораздо больше возможностей, потому я из симпатии к вам и предложил воспользоваться их набором...

– Я на стороне церкви, – сказал я громко и посмотрел в тот угол, где, по анекдотам, прячутся подслушивающие и подсматривающие устройства. – Я целиком доволен святейшей церковью! Ура.

Руки его медленно и торжественно открыли ларец, на свет появились старинные потемневшие от времени тонкие пластинки из слоновой кости.

Я с интересом смотрел на эти диковинки, нечто среднее между костяными кубиками для игры в кости и настоящими картами, орудием шулеров и цыганок. Как упорно сопротивляется язычество, как пролезает в любую щель, маскируется, все это выдается за обогащение христианства, привнесения в него элементов иной культуры!

Он заметил мой интерес, пальцы начали быстрее тасовать колоду, карты звонко стучат, словно кастаньеты в Кастилии на карнавале.

– Сейчас, благородный сэръ, посмотрим... Вытяните одну карту!

Я вытянул из середины, он взглянул, брови поднялись.

– Гм... возьмите еще...

Улыбаясь, я вытащил еще костяшку. Брови предсказателя поднялись еще выше, глаза округлились. После паузы он сказал тихо:

– Еще...

Я вытащил третью и положил рядом с двумя. Он не отрывал от них глаз, лицо вытянулось, побледнело.

– Что-то не так? – спросил я любезно.

Он вздрогнул, перевел потрясенный взгляд с карт на меня.

– Да все... несколько неожиданно... Никогда не выпадал такой расклад... А можно вас попросить вытащить еще одну?

– Да хоть десять, – ответил я еще любезнее. – Почему не сделать для хорошего человека, если делать нужно так мало?

Он побелел еще больше, когда я вытащил четвертую, положил ее рядом с первой. В глазах и лице читался откровенный страх.

Я вспомнил историю одного известного астролога, который составлял гороскопы многих видных людей и в конце концов составил и для себя. В собственном гороскопе ему была начертана долгая жизнь и смерть на 78-м году жизни. Он успокоился, до той даты еще тридцать лет, но, когда она подошла ближе, начал готовиться к смерти. Наступил 78-й год жизни, но он чувствовал себя сильным, здоровым, ничем не болеющим. Месяцы последнего года шли один за другим, он начал дергаться, наконец настал последний день, за которым ему исполнится уже 79 лет. И тогда он, оставаясь верным ремеслу, покончил с собой.

– А... еще?

Голос его дрожал.

Я вытащил пятую и положил рядом с остальными. На астролога было страшно смотреть, но, судя по всему, мужик всерьез верит в свое дело. Как тот сумасшедший, покончивший с собой, только бы его гороскоп оказался верен.

– И что, – поинтересовался я, – предсказывает судьба?

Я старался сделать голос как можно менее заинтересованным, но сам ощутил, что попался на крючок: все мы страстно жаждем заглянуть в будущее хоть одним глазком, увидеть грядущее пусть туманно, расплывчато, искаженно, но все же увидеть, чтобы как-то истолковать и получить преимущество над остальными.

Он всматривался в карты так, словно они могли подпрыгнуть и вцепиться ему в лицо. Медленно пошевелил губами:

– Большинство считает, что карты выпадают случайно... Вы, похоже, тоже так думаете.

Я кивнул:

– Не стану спорить.

– Однако же... вы можете себе представить, что вы, взяв в руку камень и закрыв глаза, бросаете его изо всех сил и... попадете в единственный камешек в пустом поле? А потом, все еще с закрытыми глазами, поворачиваетесь вокруг несколько раз, снова бросаете и снова – в тот же камешек? И так десять раз?

– Маловероятно, – согласился я. – Весьма.

– Так вот, эти выпавшие карты... еще невероятнее! Начиная с того, что вы взяли карты... такой же набор выпал королю Мердоку, он закончил жизнь восемьсот лет тому назад самым ужасающим образом.

– Каким?

– Ужасающим. Не будем вдаваться в детали, главное в том, что больше никто такие пять карт не вытаскивал. В колоде их сто! А уж чтоб еще и выпало на каждую такое... гм... такое, то, простите великодушно, любой поверит в предначертанность и предзаданность!

Я сказал вежливо:

– Но только не для христиан. Но вы продолжайте, мною движет интерес этнографа.

Он развел руками:

– Я даже не знаю, как и толковать...

– С одной стороны, – сказал я, – хорошо. Мне не надо будет платить. С другой... я разочарован. Хоть что-то надо наплести благородному лорду насчет взятия замков, спасения принцесс и побивания драконов. А вы как-то совсем ушли в сторону.

Он огрызнулся с отчаянием:

– Я не шарлатан! Я занимаюсь этим серьезно и смею думать, что мои предыдущие предсказания основывались... да-да, основывались! А сейчас я даже и не знаю... так просто не может быть!

– Этого не может быть, воскликнул один фермер, увидев жирафу... это такое животное, но, что делать, жирафа стояла прямо перед ним. Так что, дорогой магистр звездных наук, видать, выпали карты, которые надо смотреть магу другой квалификации...

Он буркнул уже со злостью:

– Намекаете, что я недостаточно сведущ? Знали бы вы, у кого я учился и каких вершин достиг! Но различные происки недругов, превратности судьбы и прочие лишения заставили меня бежать из одних королевств, искать счастья в других, переезжать все дальше и дальше... Я сведущ, в том-то и дело. Другой бы вам наговорил всякого, лишь бы получить монету, а мне все золото ваше сейчас не надо, мною движет совсем другой интерес...

Я поднялся:

– Интерес исследователя, понятно. Только я не подопытная дрозофила. Спасибо за исчерпывающие данные о моем будущем. Честно говоря, это даже лучше, чем знать его наперед.

Он вскинул брови:

– Почему?

– Я не пленник, – сообщил я. – Не зная своего будущего, я сам его творю. Я – хозяин!

Он посмотрел с великим уважением.

– Это кто сказал?

– Я, – ответил я гордо. Подумал, что легко выглядеть умным, изрекая банальности, осточертевшие еще с первых классов школы. – Не похоже?

Он смотрел с сомнением, но кивнул, ответил очень вежливо:

– Что вы, как могу сомневаться?

– А надо, – ответил я сварливо. – Я что, похож на умного?.. Оскорбительно даже... Ладно, я пошел, пошел, пошел.

Глава 13

Он проводил меня до дверей, я чувствовал, как в великой озадаченности смотрит вслед. От бессонной ночи и неумолчного веселья гудит голова, я выбрал тихую улочку и плелся по ней, вот сейчас приду и завалюсь спать, еще сутки долгой, Юг на той стороне океана станет ближе.

Мне показалось, что за мной кто-то идет, но, как ни прислушивался, не оглядываясь, чтобы не насторожить преследователя, шагов не услышал. Чутье подсказало, что, если даже оглянусь, все равно ничего не увижу.

Холодок растекался по груди сперва едва слышно, потом начал окатывать волнами. Кто-то догоняет, укрытый настолько надежно, что, не будь я таким чувствительным...

Я старался идти так же беспечно, только на ходу задействовал все зрение, несколько секунд почти вслепую шагал в диком мире двигающихся предметов и плывущих по воздуху цветных волн ароматов, ранее вообще не замечаемых. Часть этих цветных струй шероховатые, часть в острых рунах, но, главное, теперь не нужно оглядываться, чтобы видеть такой же мир и за спиной. А там...

Шагах в десяти следует человек, уверенно настигая. Я увидел, как он неспешно достал из-за пазухи нож. Остро блеснуло лезвие, он провел пальцем по металлу, но зачем-то спрятав обратно и ускорил шаг. Лица не рассмотрю, для теплового и запахового зрения это несущественные детали, одно в первую очередь показывает, где больше всего скопилось горячей крови, другое – сильно пахнущие места, но человеческую фигуру вижу отчетливо, хотя от простого взгляда он защищен, защищен...

Собака у калитки дома проводила нас равнодушным взглядом. Она видит нас обоих, а то, что один догоняет другого и от него веет агрессией и жадной убийства, – ей безразлично, это не грозит ни ей, ни охраняемому дому.

Я тащился усталой походкой нагулявшегося беспечно дворянина, мне хорошо, вон возшло яркое солнце, воздух здесь, куда не достигает волна с моря, теплый, как свежесдоенное молоко. Преследователь идет неспешно, руки в карманах, и по тому, как держит, можно не сомневаться, что сжимает рукоять ножа или чего-то не менее опасного. Например, уже вдел пальцы в кастет.

Я хотел остановиться, якобы рассмотреть вывеску на доме, как вдруг правая рука чужака начала подниматься из кармана. Я увидел блеснувшую сталь, инстинкт бросил в сторону, тут же мимо пронеслась сверкающая рыбка, посыпалась каменная крошка. Второй нож дернул за рукав рубашки и ожег кожу.

Я бросился в узкий переулок, свернул за угол, а там, прекрасно помня, что дальше будет тупик, подпрыгнул и уцепился за металлическую трубу между двумя домами, я заметил ее, еще когда вышел на прогулку, а память у меня теперь идеальная.

За спиной послышался топот. Мужчина ворвался в переулок, на бегу напряженно всматриваясь прямо перед собой в полумрак. Голова его прошла прямо подо мной. Был соблазн сделать удушающий захват ногами, но я не из тех, кто владеет приемами, да и вообще приемы хороши с невооруженным противником, а не с тем, у которого в руке еще один нож.

Я обрушился ему на спину, сразу же хватая за руки и выворачивая за спину. О землю ударились с такой силой, что захватило дыхание, я слышал как у незнакомца треснуло в грудной клетке.

Выдрав нож, я поспешно повернул обмякшее тело. Лицо темное, из пробитого острым обломком камня лба мощными толчками хлещет кровь. Я беззвучно выругался, что за невезение и как по-дурацки устроен белый свет, где то и дело приходится рубить руки, а то и убивать, хотя мне всего лишь надо тихо и мирно перебраться на ту сторону океана.

Ножи я оставил на месте, неслышно выскользнув с места схватки, а на улочке снова принял вид подгулявшего дворянина, без приключений добрался до постоянного двора. Даже не успел спросить, кто послал за мной. Вообще-то у меня только один противник здесь... не считая короля, но, думаю, Адальберт не стал бы действовать так примитивно.

Пес, зачуяв меня, выбежал в коридор, прыгает так, будто хотел вскочить мне на плечи и там свернуться эдакой кошечкой. Я приласкал зверюгу, сообщил, что люблю, в самом деле люблю, ну как не любить такого красавца. Он визжал и катался от счастья по полу, молотил по воздуху всеми четырьмя, до безумия счастливый, что его любят, что кому-то нужен, что наконец-то не один...

– Не один, – подтвердил я. – И никогда больше не будешь один. Ну как я могу оставить такого преданного верблюда с клыками?

Он счастливо лизнул мне руку, язык в самом деле размером с лопату, но нежный и шелковистый, как у всех собак. Я почесал ему пузо, Пес вообще от счастья раскрыл пасть и растопырил лапы, но я уже поднялся и потащился в комнату.

Заклятие, которым прикрыл свое нехитрое, но безумно дорогое имущество, не тронуто. Если кто и заходил в мое отсутствие, то разве что прибрать пыль, но не рылся в моих вещах.

Бобик посмотрел на меня укоризненно. Мне стало стыдно.

– Прости, – сказал я искренне, – как-то не подумал. Даже колдун не сунется в комнату, которую охраняешь ты.

Он повилал мне хвостом, принимая мои извинения. Собрав вещи, я спустился вниз, переговорил с хозяином, а через полчаса на играющем Зайчике въехал в ворота усадьбы госпожи Амелии Альенде.

Над морем застыли, как диковинные воздушные айсберги, волшебные облака. Кровавый восход полил их красным и багровым, они выглядят, как раскаленные куски металла в жарком небесном горне.

Амелия нарядилась в целомудренно-голубое платье, так контрастирующее с ее загорелым лицом и руками, черными волосами и крупными карими глазами. Я сидел на веранде за столом в одиночестве, если не считать Бобика под столом, а Амелия счастливо хлопотала на кухне. На столе появлялись блюда из морской рыбы, сладкие пироги, мед и печенье, наконец она принесла и в нерешительности водрузила на середину стола небольшой кувшин с вином.

– Понравился город?

– Очень, – ответил я. – Вольный такой, раскованный. Не без перегибов, конечно, но при демократии как без них? Еще заметил, в городе очень много волшебников.

– Ну, не так уж и много...

– А они в самом деле волшебники?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.